

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Казакевич Ольга Михайловна

**ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ПРАВООРЯДКА**

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук,

профессор

Черногор Николай Николаевич

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. РОЛЬ И МЕСТО ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА.....	14
§ 1.1. Функциональная зависимость между национальной правовой доктриной и национальным правопорядком.....	14
§ 1.2. Формирование национальной правовой доктрины.....	37
§ 1.3. Концептуально-парадигмальное содержание правовой доктрины и его отражение в национальном правопорядке	50
Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОБЩЕСТВЕ	65
§ 2.1. Зарождение и становление российской национальной правовой доктрины	65
§ 2.2. Советская правовая доктрина	83
§ 2.3. Современный этап формирования национальной правовой доктрины Российской Федерации	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	118
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	121

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется необходимостью установления общих и специальных закономерностей взаимодействия между правовой доктриной и правопорядком, поиска новых подходов к их исследованию и практическому использованию достигнутых результатов в политико-правовой практике. Тот уровень общественного развития, на котором находятся Российская Федерация и другие развитые страны, позволяет по-новому взглянуть на правовые явления и процессы, которые ранее считались глубоко и всесторонне исследованными. Более того, они нуждаются в изучении на основе новых методологических подходов и с новых исследовательских позиций с целью выявления в них новых граней и аспектов. Например, до недавнего времени правовое регулирование считалось государственно-централизованным процессом. На данный момент это утверждение не может считаться бесспорным. Предметом научных исследований все чаще становятся индивидуальное правовое регулирование и децентрализация правового воздействия. Если некоторое время назад в России позиции юридического позитивизма были непоколебимыми, то в последние десятилетия отечественные исследователи все чаще обращаются к другим подходам и концепциям.

Аналогичные аргументы могут быть приведены применительно к юридической науке¹. Принято полагать, что среди источников права позиции правоведов имеют второстепенное значение, позволяющее раскрыть историко-правовое, а также теоретическое содержание интерпретируемых уполномоченными органами норм права. Отдельные ученые обращали внимание на ее общекультурное значение, фактически исключая ее из предмета собственно юридической науки, переводя в разряд

¹ См., напр.: Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 3–4.

социологических явлений. Признавая безусловную ценность таких исследований, а также стремление отдельных авторов вернуть правовой доктрине статус полноценного источника (формы) права, необходимо, оставаясь в рамках юриспруденции, взглянуть на правовую доктрину под новым углом, в первую очередь акцентировав внимание на установлении ее взаимосвязи с такой фундаментальной правовой категорией, как правопорядок.

При этом продуктивным представляется отход от сугубо позитивистского правопонимания в той части, в которой источник права – это прежде всего форма его организации. Термину «источник права» должен быть возвращен его изначальный смысл – средство формирования права и установления правопорядка. В этом контексте вопрос о правовой доктрине приобретает новое звучание, а его решение позволит выйти на новые уровни юридического знания. Необходимость постоянных исследований в этой сфере также обусловлена потребностями в разработке и внедрении новых эффективных социальных технологий, способных решать задачу формирования субнациональных, национальных, транснациональных и наднациональных правопорядков в современных условиях.

Актуальность исследования обусловлена также возросшей ролью науки, в том числе общественных наук, и расширением использования их потенциала для конструирования социальной, в том числе правовой, реальности, которая во всей своей многогранности проявляется в правопорядке.

Степень разработанности темы. Настоящее исследование посвящено правовой доктрине и ее взаимосвязи с правопорядком. Различные аспекты избранного предмета раскрыты в исследованиях, посвященных двум фундаментальным темам: 1) правовая доктрина, условия ее формирования и развития; 2) правопорядок как состояние должного урегулирования общественных отношений. Теоретические обобщения по темам правовой доктрины и правопорядка в разных их значениях представлены во многих

научных работах, в том числе монографического и диссертационного уровней.

Можно назвать следующих специалистов, обращавшихся к проблемам правовой доктрины и правопорядка: С.С. Алексеев, А.М. Васильев, Н.А. Власенко, Н.И. Вопленко, Н.Л. Гранат, А.С. Емельянов, А.А. Зозуля, В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, А.Ю. Мордовцев, В.С. Нерсисянц, Т.М. Пряхина, Р.В. Пузиков, Е.О. Мадаев, И.С. Самощенко, Н.Н. Черногор, Л.С. Явич и др. Наиболее предметно, хотя и весьма лаконично, вопросы соотношения и взаимодействия правовой доктрины и правопорядка были рассмотрены в монографии «Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка» под редакцией Н.Н. Черногора. В ней правовая доктрина охарактеризована как элемент интеллектуально-волевой основы правопорядка.

Однако нельзя утверждать, что перечисленные темы полностью освоены правоведами. Одной из причин такого положения дел является их сложность и многогранность. В рациональных картинах правовой доктрины и правопорядка остаются сегменты, требующие наполнения теоретико-правовым знанием. В частности, знанием, отражающим взаимосвязь правовой доктрины и правопорядка на национальном уровне, вопрос о которой в юридической науке освещен фрагментарно. Комплексного анализа взаимосвязи национально-правовой доктрины и национального правопорядка в юридической науке (с учетом отмеченного значения этих понятий) не производилось.

В течение последних десятилетий к обеим названным темам обращались авторы диссертаций различного уровня¹. Но своеобразие задач,

¹ См., напр.: Пряхина Т.М. Конституционная доктрина современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004; Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права (историко-теоретические вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007; Зозуля А.А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003; и др.

поставленных в настоящем исследовании, их новизна и актуальность объясняют необходимость его проведения.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с развитием правовой доктрины и имплементацией ее положений в национальный правовой порядок.

Предметом диссертационного исследования выступают правовая доктрина и закономерности ее влияния на формирование национального правового порядка¹.

Цель диссертационного исследования состоит в установлении общих закономерностей развития правовой доктрины и национального правового порядка в их взаимосвязи и взаимодействии и в их репрезентации в системе теоретико-правового знания.

Достижение этой цели предполагает решение ряда исследовательских **задач**:

- определение роли и места правовой доктрины в формировании правового порядка;
- выявление функциональной зависимости между правовой доктриной и национальным правовым порядком;
- установление фактического воздействия правовой доктрины на правовой порядок;
- раскрытие влияния господствующей научной парадигмы на национальный правовой порядок;
- исследование процессов обособления национальной правовой доктрины в рамках ее диалектического взаимодействия с правовым порядком;

¹ Слово «контекст» в названии темы употреблено в значении, в котором оно используется в социологии, а именно в смысле набора характеристик, уточняющих условия существования феномена, подлежащего изучению, локализирующих события или процессы в пространстве и времени. Эта оговорка имеет значение в связи с тем, что тема диссертационного исследования отражает (должна отражать) его предмет.

- выявление особенностей формирования российской правовой доктрины, анализ специфических черт советской правовой доктрины;
- определение тенденций развития современной правовой доктрины Российской Федерации в контексте эволюции отечественного правопорядка.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы. В качестве основы определения взаимосвязи правопорядка и правовой доктрины использован всеобщий диалектический метод, позволяющий установить переход научных идей в область создания и применения юридических норм, а также, в более общем плане, их влияние на систему права и правопорядок в целом. Наряду с этим использованы средства логического, структурно-функционального, сравнительно-правового, формально-юридического и историко-правового анализа.

Теоретическую основу исследования составляют преимущественно работы известных отечественных правоведов, чьи труды стали классикой советской и российской юридической науки, и оказали заметное влияние на формирование национальной правовой системы: С.С. Алексеева, С.Н. Братуся, Н.А. Власенко, Н.Л. Гранат, С.Л. Зивса, О.С. Иоффе, Д.А. Керимова, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, А.В. Малько, М.Н. Марченко, П.Е. Недбайло, И.Б. Новицкого, Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой, М.Д. Шаргородского, Л.С. Явича и др.

Нормативную правовую основу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации и иные международно-правовые акты, законы о поправках в Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы и изданные в соответствии с ними подзаконные нормативные правовые акты, законы и подзаконные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации,

муниципальные нормативные правовые акты, тем или иным образом относящиеся к исследуемой теме.

Эмпирическую базу диссертационного исследования образуют труды правоведов, научные статьи, стенограммы выступлений ученых, материалы судебно-арбитражной практики, статистические данные, сопроводительные документы к законопроектам, отзывы и экспертные заключения на законопроекты, публикации в средствах массовой информации, а также иные общедоступные и верифицируемые источники.

Научная новизна диссертации определяется как темой исследования, так и легшим в его основание методологическим подходом, избранными с учетом разработанности соответствующей проблематики. Автор один из первых на монографическом уровне рассмотрел правовую доктрину в контексте ее взаимосвязи и взаимодействия с правопорядком, установил ее роль и место при формировании последнего; развернул в систему теоретико-правовых выводов тезис о том, что правовая доктрина имеет принципиальное значение в механизме формирования правопорядка, обосновывая его трансформацию при изменении уровня разделения труда в обществе и определяя его содержательное наполнение; спрогнозировал и охарактеризовал векторы развития правовой доктрины с учетом современных потребностей правопорядка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Правовая доктрина как наиболее значимый результат юридической научной мысли создает концептуальную основу для образования права, правосознания и правовой культуры, и в этом качестве выступает средством формирования правопорядка. В случаях, предусмотренных национальной правовой традицией и санкционированных высшей публичной властью, правовая доктрина может оказывать прямое воздействие на проектируемые и применяемые правовые нормы. Для тех национальных правопорядков, в которых правовая доктрина источником (формой) права не признается, она сохраняет формально-юридическое значение, обеспечивая соответствие

законодательства и правоприменительной практики, сложившейся национальной правовой традиции, пресекая произвол со стороны не только правоприменителя, но и законодателя. Взаимосвязь, существующая между правовой доктриной и правопорядком, основывается на таком методе правового воздействия, как убеждение.

2. Правовая доктрина позволяет определить перечень внешних (устанавливающих совокупность правовых принципов, аксиом, презумпций и т.д.) и внутренних (определяющих особенности системности права, его функционального назначения и порядка реализации) правовых ценностей, обеспечивая тем самым формирование идеальной модели устройства правопорядка. По этой причине национальная правовая доктрина, включенная в общемировой юридико-правовой научный контекст, помогает определить общее и особенное в сфере национального правопорядка, благодаря чему обеспечивается должное правовое регулирование.

3. Применительно к правовой доктрине выделяется два концептуально-парадигмальных уровня: общесоциальный и специально-юридический. Первый позволяет установить роль и место права в обществе, его влияние на общественное развитие. Второй определяет внутреннюю организацию правового материала, выражает сущность правовой системы.

4. Современный уровень общественного развития позволяет выделить в наиболее общем виде три типа парадигм, соответствующих внешнему контуру правовой доктрины: архаичная, традиционная, парадигма модерна. Указанная классификация дает возможность проследить взаимосвязь между конкретными общественными отношениями, в которых выражен достигнутый в обществе уровень разделения труда, правовой доктриной, представленной одной из названных парадигм, и правопорядком. Так, слабо выраженное разделение труда, при котором преобладает натуральное хозяйство, а товарообменные отношения находятся в зачаточном состоянии, предполагает существование правопорядка, соответствующего архаичной парадигме. В основе такого правопорядка лежит коллективное право

собственности на землю. Углубление разделения труда, постепенный отказ от натурального хозяйства, формирование рыночных отношений влекут возникновение правопорядка, соответствующего традиционной парадигме. Такой правопорядок предполагает индивидуальное право собственности на землю. Последующее разделение труда, появление новых средств производства и возникновение в связи с этим общественных отношений позволяет осуществить переход к парадигме модерна, в рамках которой главенствующим вопросом становится установление порядка предоставления права частной собственности, а также его прекращения.

Если архаичная парадигма конструирует мононормы, направленные на наиболее общее социальное регулирование, то традиционная парадигма исходит из размежевания морали, нравственности, религии и права. При этом данные социальные регуляторы окончательно не утрачивают взаимосвязи, благодаря чему право сохраняет свою сакральную природу. В рамках парадигмы модерна право преимущественно отделяется от религии, ввиду чего утрачивает свое сакральное содержание и становится исключительно светским институтом, требующим социальной легитимации.

5. Национальная правовая доктрина формируется в ходе научной дискуссии, ведущейся на внутринациональном и международном уровнях. Благодаря дискурсивной природе научного знания преодолеваются мировоззренческие противоречия, а также обеспечивается учет экономических, политических, социальных, культурных, исторических и иных особенностей формирования правопорядка посредством доктрины. При этом показателем должного качества доктринальных подходов, воспринимаемых правопорядком, является плюрализм мнений, благодаря которому формируется и легитимируется должное упорядочивание общественных отношений.

6. Историческим периодом зарождения дискурсивных характеристик национальной правовой доктрины является вторая половина XIX века, что прослеживается в научных работах, посвященных противоречиям

традиционалистских и модернистских подходов к праву, либеральных и консервативных учений. В дальнейшем, после февральских и октябрьских революционных событий 1917 года, научная дискуссия была преимущественно посвящена вопросам применения марксистско-ленинского учения к текущим проблемам советского государства. Благодаря развитию концепций диктатуры пролетариата и хозяйственного права, совершенствованию позитивистских концепций правопонимания, в том числе благодаря широкому внедрению теории систем в юриспруденцию, советская юридическая наука обогатилась не только прогрессивными подходами в области формирования социалистического права, но также и знаниями, полученными в рамках критического осмысления буржуазной юридической науки. Впоследствии, после распада СССР и восприятия российской правовой системой западноевропейских правовых концепций, вновь наметилась тенденция противостояния традиционно-этатистской доктрины и доктрины либеральной. При этом в последние десятилетия реакция правоведов на преобладающие либеральные подходы в отечественной доктрине демонстрирует потребность в формировании национальной правовой доктрины посредством учета общемировых и национальных традиций формирования правопорядка.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что в рамках проведенного исследования раскрываются закономерности общественного развития, связанного с определением роли национальной правовой доктрины для построения правопорядка. При этом полученные результаты позволяют спрогнозировать дальнейшее развитие национального общетеоретического научного знания.

Практическое значение проведенного исследования и его результатов заключается в возможности их использования при создании актов целеполагания, посвященных вопросам развития отечественного правопорядка, в том числе на уровне федерального законодательства, нормативных правовых актов Президента РФ и Правительства РФ,

федеральных органов исполнительной власти, региональных и муниципальных органов публичной власти. Полученные результаты могут быть также использованы в рамках преподавания учебных дисциплин «Теория государства и права», «История государства и права России», «Философия права», «Юридическая антропология».

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация подготовлена на кафедре теории, истории и философии права ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», где она была обсуждена и рекомендована к защите.

Отдельные положения и выводы прошли апробацию, докладывались на различных научных форумах (конференциях, семинарах), в том числе:

- Ежегодная конференция аспирантов, магистрантов и молодых ученых ИЗиСП «Правовые стандарты и их роль в регулировании общественных отношений» (16 мая 2018 г., Москва, ИЗиСП);
- XIII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Право в условиях цифровой реальности» (6–7 июня 2018 г., Москва, ИЗиСП);
- VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики» (15–16 декабря 2022 г., Москва, МГЛУ);
- VII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики» (13 декабря 2023 г., Москва, МГЛУ);
- XI Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук)» (28 февраля 2024 г., Москва, ИЗиСП).

Промежуточные результаты исследовательской деятельности неоднократно доводились до научного сообщества через публикации в

научных изданиях, в том числе в журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации predetermined поставленными целью и задачами, включает в себя введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и список использованных источников и литературы.

Глава 1. РОЛЬ И МЕСТО ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОПОРЯДКА

§ 1.1. Функциональная зависимость между национальной правовой доктриной и национальным правопорядком

Феномены правовой доктрины и правового порядка тесно взаимосвязаны. Между ними существуют прямые и обратные связи. Юридическая наука признает, что категория правопорядка представляет собой многоаспектное явление, выступающее инструментом познания и критерием оценки различных объектов общественной жизни, их свойств и взаимосвязей¹. Правопорядок может иметь различные особенности в зависимости от территории его определения: местный, региональный, национальный, наднациональный, международный и т.д., однако именно в условиях взаимодействия национальных государств получают наибольшее значение, соответственно, национальные правопорядки, являющиеся предметом сравнительно-правовых исследований², направленных на разработку научных концепций развития правовых актов, государственных институтов и институтов гражданского общества³, а также правоохраны⁴.

¹ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: ИЗИСП; Инфра-М, 2019. С. 13.

² См., напр.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы: в 3 т. / под ред. В.И. Лафитского. М., 2012–2013; Правовое пространство: границы и динамика: монография / Ю.А. Тихомиров, А.А. Головина, И.В. Плюгина и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ИЗИСП; Инфра-М, 2019.

³ См., напр.: Некоммерческие организации в международном и национальном праве: монография / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, С.В. Чиркина. М.: ИЗИСП; Норма; Инфра-М, 2017; Децентрализованные органы и учреждения в системе исполнительной власти зарубежных государств: науч.-практ. пособие / Н.М. Касаткина, Ф.А. Лещенков, А.Н. Пилипенко и др.; отв. ред. А.Н. Пилипенко. М.: ИЗИСП; Норма; Инфра-М, 2018.

⁴ См., напр.: Законность: теория и практика: монография / М.С. Андрианов, С.А. Боголюбов, Н.Д. Бут и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова. 3-е изд. М.: ИЗИСП; Контракт, 2017; Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2017.

При этом как в доктрине, так и в практике нет не только общепризнанного понятия правопорядка, но и общих подходов к его осмыслению и отражению в научном знании. Напротив, как отмечает Н.Н. Черногор, наблюдается тенденция к увеличению числа теоретических концепций правопорядка, в содержании которых по-разному сопрягаются положения и установки различных типов научной рациональности¹, вариативно соотносятся «объективное» и «субъективное», «должное» и «сущее», «общеправовое» и «отраслевое». Например, встречаются «идеалистический» и «реалистический» подходы (в случае применения первого из них правопорядок представляется как идеальная модель, квинтэссенция законности – то есть строгого соблюдения, исполнения правовых норм всеми членами общества; при использовании для решения познавательных задач второго подхода, правопорядок характеризуется как реально сложившаяся на основе права система общественных отношений), воззрения нормативистов, адептов социологии и философии права, фокусирование внимания в теоретических построениях на самом явлении (системе правоотношений), его свойствах (состоянии упорядоченности общественных отношений) или связях, а также взаимодействии с другими государственно-правовыми явлениями (правом, законностью). Одни исследователи сосредоточены на встраивании понятия в аппарат науки, другие нацелены на практический результат. По-прежнему идет полемика по вопросам о том, что составляет основу правопорядка – нормы, законы, законность, правоотношения или правомерное поведение; какое место в правовом порядке, а также в механизме его поддержания и воспроизводства занимают государство и право; каковы пределы упорядоченности общественных отношений на основе права; в чем состоят свойства, функции правопорядка и др. В немалой мере такое положение дел объясняется тем, что современный этап развития

¹ О типах научной рациональности см., напр.: Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. № 4. С. 45–59; Он же. Человеческое познание и культура. СПб.: СПбГУП, 2013.

науки, в том числе юридической, характеризуется увеличением аспектов изучения одного и того же объекта. Один и тот же объект изучается с большей специализацией и в большем числе аспектов, чем когда бы то ни было¹. Развитие юридической науки и ее методологии привело к умножению аспектов изучения правопорядка, выделяемых сторон, свойств, связей, новых углов зрения, а также к разнонаправленности развития доктринального знания о нем². В то же время правовая доктрина выступает элементом правового порядка, средством его формирования, поддержания, прогнозирования, управления динамикой.

Формирование законодательных норм из обычаев предполагает, что в изначальной форме их источником не являлась воля законодателя. Обычное право, принимаемое в обществе в качестве мерила должного поведения, изначально представляло собой совокупность правил поведения, передаваемых от отца к сыну с полной убежденностью в необходимости следования им, поскольку их оправданность подтверждалась многочисленными примерами, которые позволяли древним людям вкладывать в них божественную волю. Предки, которые их соблюдали и передавали дальше, сами признавались по смерти богами. Отсюда убежденность в неизменности таких правовых норм и их неразрывная связь с этикой и религией. Фактически первоначально социальный регулятор был един и только в дальнейшем разделился на право, религию, этику и мораль³.

¹ См.: Казаков В.Н. Правовой порядок в юридической теории и практике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 18.

² Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 13–14.

³ Если обратиться к древним источникам (Законы Хаммурапи, Ману, 12 таблиц и др.), то даже их весьма общий анализ позволяет выделить в них не только собственно юридическую составляющую, но также религиозную и морально-этическую (см.: Законы Хаммурапи / пер. И.М. Дьяконова // Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. М.А. Коростовцева. М.: Высшая школа, 1980. Т. I. С. 151–178; Законы Ману / пер. С.Д. Эльмановича. М.: Наука, 1992. 182 с.; Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории древнего Рима / под ред. С.Л. Утченко. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 12–25; и др.). Реальное размежевание права, религии, этики и морали начинается только на рубеже нашей эры, когда практически одновременно в христианском учении появляется тезис о «царстве не от мира сего», а в римском праве ведущую роль в формировании правопорядка начинают играть не понтифики (жрецы, священники), а светские юристы. Интересно то, что Новый

Обычаи предков, обозначенные, например, в римском праве как *mores maiorum*, сопровождали все известные правовые системы на всем протяжении их истории, принуждая правоприменителя к соблюдению определенных процедур и регламентов. Есть основания утверждать, что правообразование представляет собой санкционирование первобытных обычаев¹. Однако интересы общественного развития (в первую очередь товарно-денежных отношений) диктовали необходимость во что бы то ни стало обеспечить поступательную эволюцию права, соответствующую изменениям в общественной жизни.

Вместе с тем уже *mores maiorum* надо было истолковывать и применять к единичным реальным обстоятельствам повседневной жизни, что требовало соблюдения специальной процедуры, получившей в римском праве наименование *interpretatio*. Первоначально практически во всех древних правовых системах эта процедура предполагала наличие специальных субъектов, каковым признавались представители жреческого сообщества, например, понтифики (*pontifices*) в Древнем Риме. Однако со временем (в Древнем Риме такой переход приходится на III век до н.э. – II век н.э.) данная функция переходит к светским юристам, в результате чего возникает правоведение (юриспруденция) и собственно правовая доктрина².

Установление базиса для развития юриспруденции (как практической, так и теоретической), безусловно, связано с историей римского права предклассического и классического периодов. Именно в то время римские юристы своей деятельностью в высшей степени способствовали развитию и совершенствованию права, обладая возможностью оказывать влияние на правопорядок не в силу наличия у них властно-управленческих полномочий, а лишь в силу обретенного авторитета, основой которого являлась

Завет идейно перекликается с правом народов. Однако данная проблематика выходит за пределы настоящего исследования.

¹ См.: Хачатуров Р.Л. Генезис юридической ответственности. Часть 1 (Начало) // Право и политика. 2006. № 8. С. 38–57.

² См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 176–177.

способность интерпретировать право в нужном контексте для разрешения спора. В своих произведениях Цицерон¹ характеризует деятельность юристов как совокупность следующих составляющих: *respondere*, *cavere*, *scribere*, *agere*, среди которых *respondere* – консультационная работа римских юристов, предоставление гражданам советов по возбуждавшим сомнение вопросам; *cavere* – охрана интересов конкретного гражданина при совершении сделок путем предоставления совета не включать какое-либо невыгодное условие; *scribere* – составление формуляров договоров, иных деловых документов; *agere* – руководство процессуальными действиями сторон (но не представление их интересов в качестве адвоката)². Благодаря этой деятельности, сущность которой с учетом перечисленных ее составляющих была направлена на удовлетворение практических нужд граждан, тем не менее формировались общие представления о распределении рисков, об установлении гарантий исполнения обязательств и механизмов привлечения сторон к ответственности.

В эпоху принципата значение комментариев римских юристов усиливается, в связи с чем в литературе отмечается, что этот период является периодом рассвета римской юриспруденции³. Применительно к ней соответствующий период развития римского права называется классическим⁴. Несмотря на то, что принципат предполагает монархическую форму правления, именно в данный период решением принцепса римским юристам делегируются полномочия по принятию юридически значимых разъяснений в области права. Принцепсы легитимируют свою власть в глазах

¹ См.: Цицерон М.Т. Речи. В 2 т. Т. 1 / пер. В.О. Горенштейна; отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М. – Л.: Наука, 1962. С. 256.

² См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 177.

³ См.: Там же.

⁴ См., напр.: Гарридо М.Х.Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. М.: Статут, 2005. С. 53; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М.: Норма, 2000. С. 13–20; Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учебник. М.: Зерцало-М, 1999. С. 14; Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1999. С. 18; Новицкий И.Б. Римское право. М.: ТЕИС, 2002. С. 8; Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Инфра-М; Норма, 1996. С. 35–61; и др.

общественности благодаря эффективному разрешению возникавших в обществе разногласий в различных сферах, мерами справедливости которых являются разумность, логичность, соразмерность, и иные принципы, актуальные по сей день. Официальные консультативные заключения римских юристов (*ius publice respondendi*) получают легальный статус.

В 426 году император Валентиниан III утверждает Закон о цитировании, в соответствии с которым нормативную силу получили сочинения пяти юристов: Папиниана, Павла, Ульпиана, Модестина и Гая¹. При этом для разрешения возможных противоречий установлено, что если мнения римских юристов расходятся, то приоритетное значение имеет позиция Папиниана². Примечательно, что в работе М.М. Сперанского «Степени и образы познания законов» в контексте справедливости суждений перечисленных римских юристов автор пришел к следующему заключению: «Философия права есть степень учения высшая. Она доискивается причин правил формальных, ищет возвести их к первым началам разума и справедливости и не останавливаясь просто на принятии разделения понятий, на языке и составных его частях, она домогается, открыв начала сего разделения, разложить и вновь сложить ее стихии, снова вывести все и a priori; в первой степени говорят, так сказал Paulus или Gai; во второй спрашивается, справедливо ли он сказал и почему сказать был должен»³. Таким образом, назначением доктрины в этом контексте является раскрытие априорных правовых принципов через призму общечеловеческой разумности и справедливости.

¹ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 177.

² См., напр.: Дождев Д.В. Римское частное право. С. 102.

³ Сперанский М.М. Степени и образы познания законов (цит. по: Краковский К.П. Право есть власть, основанная на правде (Неопубликованные труды выдающегося правоведа М.М. Сперанского) // Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сб. ст. [По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗИСП)] / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Норма; Инфра-М, 2024. С. 33.

Положения доктрины, отраженные в консультативных заключениях, получили признание в качестве официального источника римского права. Благодаря взаимосвязи авторитета науки и потребностей практики труды римских юристов, обосновывающие прямо или косвенно существующий правопорядок, известны по сей день. Став объектом исследований европейских школ глоссаторов, постглоссаторов и иных научных правовых центров, римская правовая доктрина, как и римское право, в совокупности стали базой для современных европейских правовых систем. Поскольку римские юристы строили свои правовые концепции, исходя из общественных запросов, и пытались установить наиболее справедливый способ разрешения юридических конфликтов, установленные ими формулы регулирования послужили мерилom должного в общественных отношениях, а также в отношениях общества и государства¹.

В римское право своими корнями уходит современный европейский доктринализм, в первую очередь романо-германский. Так, континентальной правовой семье вплоть до периода нового времени было свойственно обращаться к аутентичным источникам римского права, к юриспруденции римских юристов. Это связано с тем, что в европейских университетах изучалось римское право, которому свойственны такие характеристики как системность, специфический понятийно-категориальный аппарат и методология правоприменения. При этом отдельные устаревшие институты, например, рабство, были заменены новыми сферами правовой регламентации. Такие области общественной жизни как брачно-семейные отношения и наследование, напротив, во многом сохранили традиционные способы регулирования.

До настоящего времени в континентальной Европе обоснование целесообразности тех или иных правовых решений в основном производится сугубо доктринальным путем с позиции здравого смысла. Такой подход

¹ См.: Новицкий И.Б. Римское право. С. 23.

последовательно лег в основу научных течений XX–XXI веков: юриспруденции понятий (*Begriffsjurisprudenz*) и вытеснивших ее юриспруденции интересов (*Interessenjurisprudenz*) и более поздней юриспруденции ценностей (*Wertungsjurisprudenz*)¹.

Обращаясь к иным правовым семьям, следует отметить, что для англосаксонского права доктрина не столь значительна, что обусловлено широким распространением возникшей во второй четверти XIX века школы юридического позитивизма, для которой доктринальные описания составляли главным образом только комментарии к казусам. Также этому способствовал прецедентный характер англосаксонского судопроизводства, в котором судьи при рассмотрении конкретных дел должны были руководствоваться решениями этого или вышестоящего суда по аналогичному делу. В США за судьями изначально признается право на правотворчество: федеральный суд и верховные суды штатов имеют возможность изменять судебный прецедент. В Англии это правило (*Stare Decisis*) возникло позднее и получило гораздо меньшее распространение. Только 22 июля 1966 г. Верховный суд подтвердил право судов изменять судебную практику².

Существенное значение правовая доктрина имеет в мусульманском праве. Она начала складываться еще в VIII веке и так же, как романо-германский доктринализм, имеет римские корни. Именно тогда появились основные правовые школы исламского мира. С XI века мусульманские властители вслед за римскими принцепсами указывали, что в случае

¹ См., напр.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Междунар. отношения, 1996. С. 105–108; Шапп Я. Система германского гражданского права. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 23–34; Завьялов Ю.С. Взгляды Р. Иеринга на государство и право // Правоведение. 1968. № 3. С. 106–115; Грехениг К., Гелтер М. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 207–278; Bleckmann A. The Subjective Right in Public International Law // German Yearbook of International Law. 1985. Vol. 28. P. 147–149; и др.

² См., напр.: Васильева Т.А. Судебный прецедент как источник права в европейской юриспруденции XVII–XIX веков: автореф. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. 26 с.

умолчания Корана или Сунны по конкретному казусу судьи должны руководствоваться какими-либо доктринальными разъяснениями, ссылаясь при вынесении решений или приговоров на комментарии той школы, на которую ориентировался соответствующий правитель. С тех пор при отсутствии правового урегулирования какого-либо отношения судьи могли руководствоваться определенными доктринальными положениями¹. Схожая ситуация с признанием правовой доктрины как источника права сложилась и в иных традиционных правопорядках, например иудейском².

Справедливым представляется тезис о том, что именно юриспруденция и ее результат – правовая доктрина – играют одни из ключевых ролей в формировании национальных правопорядков. В тех же странах, где правовая доктрина признается источником права, правопорядок предполагает, что ее задачей является не только толкование закона (обычая, общих принципов права), но и предварительное определение сущности законодательства (например, п. 6 ст. 1. Гражданского кодекса Испании)³. Однако такая функциональная зависимость между правовой доктриной и правопорядком существует и в других странах. Отличие состоит только в том, что в последних суды не могут основывать свои акты непосредственно на доктринальных положениях.

Необходимо обратить внимание на ряд особенностей взаимодействия правовой доктрины и правопорядка в России. Они имеют глубокие исторические корни, обусловленные тем, что (1) не было прямой рецепции римского права и (2) длительное время отсутствовала собственная правовая традиция. Указанные обстоятельства представляются неразрывно связанными, вытекающими одно из другого.

¹ См., напр.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. 256 с.; Марченко М.Н. Источники права. М.: Проспект, 2008. С. 749–751.

² См., напр.: Элон М. Еврейское право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 228–232; Марченко М.Н. Источники права. С. 723–732.

³ См.: Гарридо М.Х.Г. Указ. соч. С. 133.

Российская правовая традиция начала формироваться только в XIX веке. Этот процесс имел характер опосредованной рецепции римского права, обусловленной влиянием немецкой юриспруденции. Наиболее значимым результатом такого влияния стало отечественное гражданское законодательство, система, понятийно-категориальный аппарат и методология которого имеют своей парадигмальной основой Германское гражданское уложение¹.

Советский период развития национального правопорядка характеризуется отказом от европейских буржуазных правовых концепций и категорическим непринятием официального значения правовой доктрины. В советском правоведении устанавливается преобладающая роль официальной позиции правящей партии, представляющей свои подходы с опорой на диалектику (как метод познания) и материализм (как научно обоснованный способ разрешения основного вопроса философии)². В работах академика Н.Н. Семенова в связи с этим отмечается: «Марксистская диалектика – это не собрание неких правил, которые можно было бы непосредственно приложить к решению какой-то конкретной проблемы и получить ее решение. Нет, марксистская диалектика – это нечто другое: это общая ориентация и культура мышления, помогающие конкретному человеку ясно и правильно ставить ту или иную проблему и таким образом способствующие разрешению загадок природы»³.

Теоретическим источником диалектического материализма стала классическая немецкая философия, в первую очередь критически переработанные К. Марксом и его последователями идеалистическая диалектика Г.В.Ф. Гегеля и философский материализм Л. Фейербаха.

¹ См., напр.: Слыщенко В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права: автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2003. С. 17–22.

² См., напр.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: основные институты и понятия / отв. ред. Г.Н. Манов. М.: Юрид. лит., 1970. 622 с.; Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. С. 29–70; и др.

³ Цит. по: Грэхэм Л.Р. Указ. соч. С. 29.

Сущностное отличие диалектического материализма от всех предшествующих философских систем, по мнению его родоначальников, состояло в классовом характере этого мировоззрения, его направленности на уничтожение всех форм эксплуатации человека и создание бесклассового общества. К. Маркс писал: «...подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие...»¹. Одной из первых работ, в которых была предпринята попытка теоретического обоснования исторического и диалектического материализма, стала неоконченная авторами «Немецкая идеология»².

В СССР в результате утверждения одного из наиболее радикальных направлений юридического позитивизма первоначально утвердилось следующее определение права, впервые сформулированное в 1938 году на Первом совещании научных работников Генеральным прокурором СССР А.Я. Вышинским: «Право – совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»³. В дальнейшем советская юридическая наука вынужденно смягчила это определение, поскольку в условиях отсутствия перспектив скорого отмирания государства необходимо было поддержание общественного согласия, в том числе классового, в связи с чем высокое значение приобрели подходы, указывающие на соотношение общечеловеческих и классовых

¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. С. 428.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 574 с.

³ Основные задачи науки советского социалистического права: материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 года. М.: Юриздат, 1938. С. 74. См. также: Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. С. 8–11, 16–19, 27–28, 39, 41, 50–52.

интересов в праве¹. Однако советская система права, не предполагавшая официального значения правовой доктрины, вывела юридическую науку за пределы правопорядка.

В дальнейшем, на рубеже XX и XXI веков, значение правовой доктрины начало пересматриваться, так как в условиях идеологического кризиса, вызванного распадом Советского государства, острой стала потребность формирования правопорядка на кардинально новых основах. В этой ситуации заимствование зарубежных правовых доктрин, в особенности концепций верховенства права и прав человека, потребовали выработки в том числе общетеоретических подходов к пониманию места и роли правовой доктрины в системе права.

Так, отдельными исследователями правовая доктрина была обозначена в качестве системы представлений о праве, которые содержат в себе отражение общесоциальных интересов и притязаний, она определяет регулятивные свойства правовой системы, упорядочивающие общественные отношения, формирующие волю субъектов правоотношений, правосознание и правовую культуру, и оформляется посредством публикаций в научных изданиях. При этом значение доктрины как источника права определяется ее первичным значением, определяющим порядок формулирования правовых норм в процедурном и содержательном плане, в связи с чем ей придается характер первичного источника права².

В других исследованиях юридическая наука описывается не столько как элемент правообразования, сколько как источник правовых идей концептуального характера, играющий ключевую роль в правовой системе.

¹ См., напр.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: основные институты и понятия / отв. ред. Г.Н. Манов. С. 11.

² См.: Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 6–7.

Благодаря правовой доктрине обосновывались общепризнанные принципы права, формулировались закономерности развития государства¹.

Отдельными авторами правовая доктрина мыслилась в качестве единой системы взглядов, которые получают государственное одобрение при условии соответствия конституционно признанным источникам права, внутренней непротиворечивости, целостности, способности объяснять существующие явления и процессы; она имеет понятийно-категориальный аппарат, который может быть заимствован правом, в том числе в нормах-принципах, нормах-дефинициях и т.д.²

Интересно и следующее определение правовой доктрины: «...относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который представляет собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности»³.

Приведенные определения правовой доктрины, предложенные в научных исследованиях последних лет, основываются на российской правовой традиции, сложившейся еще в XIX веке и уходящей своими корнями в предыдущие столетия. Однако их разнообразие свидетельствует об отсутствии единства взглядов при раскрытии понятия и содержания изучаемого феномена.

Обращаясь к истории рассмотрения вопроса о понятии правовой доктрины, следует выделить два подхода к ее определению: узкий и широкий. Первый предполагает строго инструментальную характеристику правовой доктрины, т.е. ее рассмотрение в качестве источника права. Такая

¹ См.: Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 4–5.

² См.: Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. С. 6.

³ См.: Мадаев Е.О. Указ. соч. С. 12 – 13.

научная позиция наиболее распространена в континентальной Европе¹. Среди отечественных исследователей она находит отражение в трудах Н.И. Вопленко², В.Н. Карташова³, М.Н. Марченко⁴, Т.М. Пряхиной⁵, Р.В. Пузикова⁶ и др.⁷. Второй подход отличается разнообразием научных позиций, объединяемых в его рамках. Общим для них является то, что ученые, придерживающиеся этого подхода, не ограничиваются рассмотрением правовой доктрины в качестве источника права. Она исследуется с позиции конкретной модели политико-правовой действительности, которая отражает социально-правовые потребности общественного развития и воплощается в виде концептуального единства права и государства, права и этики, права и морали, права и культуры в целом. Среди сторонников данного подхода следует назвать таких виднейших представителей советской и современной теории права, как С.С. Алексеев⁸, Н.Л. Гранат⁹, Д.А. Керимов¹⁰, Н.И. Матузов¹¹, А.Ю. Мордовцев¹², В.С. Нерсесянц¹³ и др.

¹ См., напр.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 105–108.

² См.: Вопленко Н.И. Источники и формы права: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 102 с.

³ См.: Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: курс лекций. Ярославль, 1996. 100 с.

⁴ См.: Марченко М.Н. Источники права.

⁵ См.: Пряхина Т.М. Указ. соч.

⁶ См.: Пузиков Р.В. Доктрина как форма и источник формирования правовой политики // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 2 (27). С. 70–75.

⁷ См., напр.: Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права // Журнал российского права. 2003. № 12. С. 70–79.

⁸ См.: Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1998. С. 169.

⁹ См.: Гранат Н.Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6–11.

¹⁰ См.: Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2003. 520 с.

¹¹ См.: Матузов Н.И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики // Правоведение. 1997. № 4. С. 6–17.

¹² См.: Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.

¹³ См.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15; Он же. Ценность права как триединство свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1996. 89 с.

Применение перечисленных научных подходов не ограничивается общей теорией права. Они находят своих последователей в отдельных отраслевых юридических науках. На прикладном уровне отраслевых юридических наук правовая доктрина (точнее, ее отраслевые составляющие) рассматривается в первую очередь в качестве инструмента формирования соответствующего правопорядка, что особенно актуально в контексте международного и международного частного права¹.

Внедрение в последние годы в юридическую науку методов кибернетики, формирование информационного общества и становление электронного государства отразились и на понимании правовой доктрины. В связи с этим данный феномен рассматривается в контексте симбиоза права и информационно-коммуникационных технологий, позволяющего создать особый правовой механизм, предполагающий автоматизацию правообразования и правореализации².

Отсутствие единообразия в понимании правовой доктрины негативным образом отражается на формировании тех общезначимых принципов, на которых должен основываться современный правопорядок. Вместе с тем по своей социальной природе правовая доктрина в рациональной форме отражает правовую действительность и обладает целым рядом регулятивных возможностей, в первую очередь в части идейно-воспитательного воздействия на волю и сознание субъектов права с целью убеждения их в необходимости правомерного поведения. Воплощением регулятивной функции правовой доктрины является то, что она представляет собой действенный инструмент формирования правопорядка, выступая формой

¹ См., напр.: Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. С. 63–69, 117–156; Каламкарян Р.А. Место доктрин наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в источниковой базе современного международного права // Государство и право. 2006. № 4. С. 69–80; Он же. Роль доктрин наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в формировании современного международного права // Государство и право. 2006. № 6. С. 75–85; и др.

² См., напр.: Голоскоков Л.В. Модернизация российского права: теоретико-информационный аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 12.

выражения и закрепления не только правовых идей и основанных на них принципов права, но и непосредственно (в странах, где правовая доктрина признается источником (формой) права) или опосредованно (в иных странах) собственно правовых норм.

Поэтому видится целесообразным отказаться от традиционной для современных диссертационных исследований задачи раскрыть понятие правовой доктрины¹ и остановиться на установлении ее функциональной зависимости от правопорядка. Такой подход, в отличие формулирования абстрактных дефиниций, имеет прикладной характер, позволяя установить роль и место доктрины в процессе правового регулирования.

Здесь следует подчеркнуть, что в научной литературе проблема правопорядка освещена достаточно широко. Вместе с тем он также рассматривается под различными углами зрения, и в отечественной юриспруденции до сих пор не выработано его общепризнанное определение, хотя правопорядок выступает в качестве одной из базовых правовых категорий и его исследованию посвящен значительный ряд научных трудов.

Правапорядок есть состояние, в рамках которого обеспечена защита субъективных прав и обязанностей, а также сформировано уважительное отношение к праву со стороны граждан, в связи с чем компонентами правопорядка являются (1) «определенная система общественных отношений, складывающаяся на основе права и законности»²; (2) «основанная на праве и законности организация общественной жизни, отражающая качественное состояние общественных отношений»³; (3) «состояние фактической упорядоченности общественных отношений,

¹ См., напр.: Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. С. 6–7; Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук. С. 4 – 5; Любитенко Д.Ю. Указ. соч. С. 6; Мадаев Е.О. Указ. соч. С. 12–13.

² Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2001. С. 197.

³ Шабуров А.С. Теория государства и права. М., 1997. С. 457.

выражающих реальное, практическое осуществление требований законности»¹.

Научное познание предполагает формирование таких идей и дефиниций, которые представляют собой многоуровневые, многоаспектные, постоянно развивающиеся смысловые конструкции, в дальнейшем лежащие в основу самостоятельных концептов теории. Именно такой дефиницией и представляется правопорядок, что и препятствует окончательному закреплению ее общепризнанного значения. Каждое новое поколение исследователей привносит в нее собственное видение, отражающее не только изменчивость общественных отношений, но и развитие самой научной мысли. При этом общим для всех рассмотренных подходов к пониманию правопорядка является то, что в контексте национальной правовой системы он рассматривается как основанная на праве и законности организация жизни государства и общества, отражающая качественное состояние общественных отношений на определенном этапе развития.

Правопорядок характеризует фактически урегулированные правом общественные отношения и в этом качестве может и должен рассматриваться как состояние, процесс и результат. Здесь он предстает, с одной стороны, как одна из целей общественного развития, а с другой – как его средство. Правопорядок – это результат правового регулирования и в то же время необходимое условие правотворчества и реализации права. Правопорядок главным образом объективируется в правомерном поведении участников конкретных правоотношений, а также реализации юридической ответственности к лицам, допустившим поведение противоправное. Потенциальная модель правопорядка заложена в системе юридических норм и находит воплощение в их реализации. Сам правопорядок характеризуется через ряд свойственных ему признаков, среди которых можно отметить

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 235.

упорядоченность общественных отношений, их общее соответствие принятой модели правомерного поведения, вытекающей из содержания правовых норм, а также способность государства обеспечивать реализацию правовых норм путем применения государственного принуждения, основанного на надлежащих процедурах, предусмотренных законом.

Исследование правопорядков на международном и национальном уровнях требует познания права (международного и национального соответственно) в его действии – переход от правообразования к правореализации. Именно в таком контексте предполагается исследование правовой доктрины и установление ее функциональной зависимости от правопорядка. В связи с этим обоснованным представляется тезис о том, что «...доступ к праву возможен только через доктрину. <...> Доктрина должна быть настолько устойчивой, что также и с фактической стороны она должна оказывать определенное влияние на практику правоприменения...»¹. Однако он требует ряда уточнений.

Еще в XIX веке одна из ведущих юридических школ того времени – историческая (Г. фон Гуго, Ф.К. фон Савиньи) – исходила из того, что право не может быть связано исключительно с государством, поскольку законодатель не обладает необходимой для этого всеобщей компетенцией². Сама жизнь позволяет вырабатывать наиболее сбалансированные подходы к разрешению возникающих в обществе коллизий, а способствовать этому должны квалифицированные юристы³.

¹ Шапф Я. Указ. соч. С. 41.

² См., напр.: Hugo G. Lehrbucheines civilistischen Cursus. Zweite Band, welcher das Naturrecht, alseine Philosophie des positiven Rechtsenthalt. Berlin: A. Mylius, 1798. 221 s.; Idem. Lehrbuch der Geschichte des Romischen Rechts. Dritter Band, Welcher die Geschichte des Romischen Rechtsenthalt. Berlin: A. Mylius, 1799. 308 s.; Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М.: Унив. тип., 1896. 225 с.; История политических учений. М.: Высш. шк., 1971. С. 264–266.

³ См.: Савиньи Ф.К., фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права. Т. 1. М.: Статут, 2012. С. 18–36.

Если обратиться к более ранним источникам, одним из наиболее значимых из которых является римское право, то следует отметить, что, по представлению римских юристов, оно включало в себя три части:

- 1) *ius naturae* – естественное право;
- 2) *ius gentium* – право народов;
- 3) *ius civile* – цивильное право.

Авторитетный римский юрист Ульпиан указывал: «...право делится на три части, ибо оно составляется или из естественных предписаний, или (из предписаний) народов, или (из предписаний) цивильных»¹. С естественным правом автор связывал непререкаемые законы природы: «...естественное право – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам»². Именно по этой причине Ульпиан в первую очередь рассуждает о естественно-правовом характере норм, регламентирующих брак и воспитание детей, отмечая, что и человеку, и всем иным живым существам внутренне присуще знание о должном поведении применительно к указанным институтам. Под правом народов Ульпиан понимал право, которым «...пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой»³. Право народов, таким образом, трактуется Ульпианом как часть естественного права. В отношении цивильного права Ульпиан поясняет: «Цивильное право не отделяется всецело от естественного права или от права народов и не во всем придерживается его; если мы что-либо прибавляем к общему праву или что-нибудь из него исключаем, то мы создаем

¹ Фрагменты Домиция Ульпиана // Памятники римского права: Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / ред. Л.Л. Кофанов. М.: Зерцало, 1998. С. 187.

² Там же. С. 187–188.

³ Там же. С. 189.

собственное, т.е. гражданское, право. Это наше право состоит или из писаного (права), или из неписаного»¹.

Такой подход возник еще до Ульпиана. Так, несколько ранее Гай писал: «...все народы, которые управляются на основании законов и обычаев, пользуются частью своим собственным правом, частью правом, общим для всех людей. Ибо то право, которое каждый народ установил для себя, является собственным правом государства и называется гражданским правом, как бы собственным правом самого государства; то же право, которое естественный разум установил между всеми людьми, соблюдается у всех одинаково и называется правом народов, как бы тем правом, которым пользуются все народы»².

Из приведенных цитат следует, что для римских юристов начальным источником права и средством формирования правопорядка выступали законы природы, и только после них шли правовые нормы, установленные человеком. Юридическая мысль в своем развитии, особенно начиная с середины XIX века, когда наибольшее влияние получил юридический позитивизм³, отказалась от такого подхода, фактически противопоставив законы природы правовым нормам. В свою очередь, укрепление идей суверенного национального государства и разделения властей выдвинуло на первый план среди источников права и средств формирования национальных правопорядков законодательство, т.е. систему правовых норм, исходящих от законодательных органов государства.

¹ Там же. С. 190.

² Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юристъ, 1997. С. 42.

³ Юридический позитивизм сформировался еще в конце XVIII – начале XIX веков. Его основоположниками считаются Т. Гоббс, И. Бентам и Дж. Остин. Во второй половине XIX – начале XX веков, когда парадигма позитивизма утвердилась в качестве философской основы не только естественных, но и общественных наук, позитивистское направление в юриспруденции заняло господствующие позиции, которые оно удерживает и в настоящее время (см., напр.: Радько Т.Н., Медведева Н.Т. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права России // Государство и право. 2005. № 3. С. 5–12).

Вместе с тем, как отмечалось выше, для отдельных национальных правопорядков характерно сохранение правовой доктрины в качестве непосредственного источника права¹. В тех же случаях, когда правовая доктрина утратила это качество (например, в Российской Федерации), она продолжает влиять на формирование национальных, субнациональных, транснациональных и наднациональных правопорядков, путь даже и опосредованно через законодательство, подзаконные нормативные акты и правоприменительную практику.

Рассмотрение такой функциональной взаимосвязи правовой доктрины и правопорядка предполагает раскрытие такой дефиниции, как источник (форма) права. Современная юридическая наука заметно продвинулась в этом направлении. Она опирается на значительные достижения в данной области предшествующих эпох. Применительно к дореволюционному периоду наибольшее значение имеют работы таких исследователей, как Н.М. Коркунов², Н.Л. Дювернуа³, Л.А. Кассо⁴, В.И. Сергеевич⁵ и др. Советское правоведение в этой области знания представлено такими известными исследователями, как Н.Г. Александров⁶, С.Л. Зивс⁷,

¹ См., напр.: Civil Code (approved by Royal Decree of 24 July 1889) [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=221320 (дата обращения: 7 октября 2015 г.).

² См.: Коркунов Н.М. Указ и закон: исследование (докторская диссертация). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. 408 с.

³ См.: Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М.: Катков и Ко, 1869. 415 с.

⁴ См.: Кассо Л.А. Источники русского гражданского права. М.: Унив. тип., 1900. 231 с.

⁵ См.: Сергеевич В.И. Земские соборы в Московском государстве // Собрание государственных знаний. Т. 2. М.: В. Безобразов и Ко, 1875. С. 23–81; Он же. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. № 1. С. 12–21; Он же. Опыты исследования обычного права // Наблюдатель. 1882. № 1. С. 23–31; № 2. С. 20–28; Он же. Греческое и русское право в договорах с греками // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. № 1. С. 32–44; Он же. Русская Правда и её списки // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 1. С. 21–37.

⁶ См.: Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые труды ВИЮН. Вып. VIII. М.: ВИЮН, 1946. С. 47–60.

⁷ См.: Зивс Л.С. Источники права. М.: Наука, 1981. 221 с.

Д.А. Керимов¹, С.Ф. Кечекьян², Г.И. Муромцев³, И.Б. Новицкий⁴, А.Ф. Шебанов⁵ и др. Бесспорен серьезный научный интерес к проблематике форм и источников права и в современных условиях⁶. Так, помимо прочего, за последние годы выполнены многочисленные диссертационные исследования по общим вопросам и отдельным видам источников права в рамках как общей теории, так и отдельных отраслевых юридических наук⁷.

Резюмируя достигнутые в этой сфере результаты, следует отметить, что источниками права признаются любые его начала, основания, корни, причины, исходные точки. Такое широкое понимание данной дефиниции предполагает выделение трех ее аспектов: 1) материальный (например, взаимоотношения в рамках общества по поводу обязательств и собственности, порядок реализации имеющихся интересов и притязаний); 2) парадигмальный (идеологический) (в том числе концепции понимания права, плюрализм научных концепций и школ, правовая пропаганда); 3) формально-юридический (догма права и ее воплощение в нормативных правовых актах). В последнем случае имеются в виду средства установления и закрепления правовых норм, выражения властной воли и т.п. В этом смысле источник права тождественен форме права.

¹ См.: Керимов Д.А. Понятие источника советского социалистического права // Ученые записки ЛЮИ. Вып. V. 1951. С. 79–91.

² См.: Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. М., 1946. С. 3–12.

³ См.: Муромцев Г.И. Источники права: Теоретические аспекты проблемы // Правоведение. 1992. № 2. С. 23–30.

⁴ См.: Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1959. 157 с.

⁵ См.: Шебанов А.Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4. С. 23–33.

⁶ См., напр.: Истоки и источники права / под ред. Р.А. Ромашова и Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. 287 с.; Источники российского права. Вопросы теории и истории / под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2005. 301 с.; и др.

⁷ См., напр.: Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 440 с.; Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 44 с.; Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 171 с.; Жукова-Василевская Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 173 с.; и др.

Принято выделять пять основных форм права: 1) нормативный акт (правовой акт, устанавливающий или закрепляющий нормы права, направленный на урегулирование определенных общественных отношений); 2) правовой обычай (исторически сложившееся правило поведения, содержащееся в сознании людей и вошедшее в привычку в результате многократного применения, имеющее правовые последствия); 3) юридический прецедент (судебный или иной правоприменительный акт по конкретному делу, которому придается сила правовой нормы и которым руководствуются при разрешении схожих дел); 4) нормативный договор (соглашение между правотворческими субъектами, в результате которого возникает новая правовая норма); 5) правовая доктрина.

Таким образом, правовая доктрина как наиболее значимый результат юридической научной мысли выступает парадигмальным источником права и ввиду этого влияет на формирование правопорядка. В случаях, предусмотренных национальной правовой традицией и санкционированных высшей публичной властью (носителем суверенитета), правовая доктрина может выступать источником (формой) права в формально-юридическом смысле, т.е. непосредственно устанавливать правовые нормы. Однако и для тех национальных правопорядков, в которых правовая доктрина в формально-юридическом смысле источником права не признается, она сохраняет формально-юридическое значение, обеспечивая соответствие законодательства и правоприменительной практики, сложившейся национальной правовой традиции, пресекая произвол не только со стороны правоприменителя, но и самого законодателя.

Здесь также справедливым представляется указание на то, что взаимосвязь, существующая между правовой доктриной и правопорядком, основывается на убеждении, которое наряду с принуждением является наиболее универсальным методом формирования правопорядка. При использовании методов правового убеждения добровольность исполнения правовых норм устанавливается путем донесения до субъекта убеждения

морально-этических, экономических, культурных и иных стимулов правомерного поведения, в том числе преимуществ от поддержания состояния правопорядка¹. При этом убеждение является действенным только в случае сочетания с возможностью государственного принуждения, поскольку сама возможность применения мер государственного воздействия за противоправное поведение обеспечивает авторитет государственной власти и формирует в глазах общественности понимание недопустимости нарушения правовых норм иными лицами². Таким образом, меры государственного принуждения призваны поддерживать юридическое равенство и не допускать проявлений правового нигилизма.

§ 1.2. Формирование национальной правовой доктрины

Научному знанию свойственно развитие в условиях господства общепринятых установок, теорий, концепций и т.д. Многие постулаты, носящие аксиоматический характер и не подлежащие по этой причине оспариванию, представляют собой рамки его развития, выход за которые невозможен до тех пор, пока данные установки не будут опровергнуты в ходе очередной научной революции. Это обстоятельство, обоснованное в известном труде Т. Куна³, побудило и российских правоведов применять парадигмальный подход в исследованиях развития отдельных правовых отраслей и институтов⁴, что представляется перспективным методом, хотя и не лишенным оснований для критики, преимущественно связанной с известными различиями в методологии точных (естественных) и социальных наук.

¹ См., напр.: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 49.

² См.: Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968. С. 13.

³ См.: Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

⁴ См., напр.: Войниканис Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 392 с.

Схожим понятием, которое также может рассматриваться в этом контексте, является «эпистема», введенное в оборот М. Фуко и означающее мыслительные структуры, определяющие мнения, теории и науки в каждый исторический период¹. В некоторых случаях используется понятие «научно-исследовательская программа» (И. Лакатос), которое отсылает к более узкой сфере – исключительно научного знания, не предполагающего его всестороннего включения в общекультурный контекст. В этом смысле оценка правовых доктрин с целью поиска их дискурсивных закономерностей мыслится возможной с использованием указанных познавательных конструкций.

Отметим, что авторитетными отечественными правоведами высказывались аналогичные суждения². Понятие «парадигма» при этом следует рассматривать как нечто объединяющее членов научного сообщества в части понимания смыслов, вкладываемых в основополагающие научные категории, а также принятие существующей парадигмы и следование ей в ходе выполнения научной работы. В.А. Лекторский применительно к понятию «парадигма» указывает на включенность благодаря нему в коммуникативный процесс различных систем ценностей, учет разницы между социальными группами, культурами и т.д.³ При этом сами парадигмы автор сравнивает с «концептуальными каркасами», которые определяют векторы развития знания⁴. В.И. Честнов также отмечает, что «представители различных парадигм живут как бы в разных мирах»⁵, подчеркивая невозможность диалога между представителями различных парадигм (например, позитивиста XIX века и средневекового схоласта).

¹ См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Талиман, 1994. 402 с.

² См.: Гаджиев Г.А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 108–173.

³ См.: Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: УРСС, 2001. С. 12.

⁴ См.: Там же. С. 25.

⁵ Честнов И.Л. Постнеклассическая теория права. Монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. С. 39.

Исходя из изложенных позиций авторов, касающихся философии научного познания, следует отметить, что в юридической литературе встречаются позиции, согласно которым понятие «парадигма» используется в значении правопонимания, вне контекста научно-технического прогресса. Например, в работе В.Н. Казакова, М.В. Крестинского, И.В. Зыковой применительно к «эпистемологическим моделям современного правопорядка» указывается, что «имеет смысл говорить о двух основных эпистемологических парадигмах теоретического познания правового порядка – позитивистской и естественно-правовой»¹. Таким образом, авторы смещают внимание с вопроса «о современном понимании права» на вопрос «о понимании права». Безусловно, контекст развития научного знания оказывает влияние на правопонимание (например, появление современных концепций информационного, интегративного понимания права и т.д.), но парадигма права не ограничивается исключительно представлениями о праве, поскольку основывается на мыслительных особенностях доктрины в целом (в том числе эпистемологии как теории познания, герменевтике как теории интерпретации текстов).

С учетом изложенного примечательно замечание О.П. Сауляка о том, что «качественные параметры [правопорядка], вопреки сложившимся постулатам догматической юриспруденции, во многом определяются метаправовыми причинами и условиями»². К таким основаниям автор относит, в частности, «нравственный потенциал» общества. При этом он указывает, что основанием для смены парадигмы является накопление «аномальных фактов», не вписывающихся в сложившуюся концептуальную систему знаний³.

¹ Казаков В.Н., Крестинский М.В., Зыкова И.В. Эпистемологические модели современного правопорядка // Вестник Национального института бизнеса. 2016. № 24. С. 70.

² Сауляк О.П. Нравственный потенциал и правопорядок в современной России // Юридический мир. 2007. № 5. С. 55.

³ См.: Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 3.

Установление определенных правовых институтов с учетом принципа единства научного знания требует отношения к правовой доктрине как к части существующей научной парадигмы и позволяет утверждать о ее значении как идейного источника правовых норм, предопределяющего структуру и функционирование правопорядка, его статику и динамику. Показательно в этом отношении предложенное Ю.А. Тихомировым понятие термина «состояние законности»: «...своего рода момент покоя в процессе реализации закона, когда учитывается комплекс факторов и показателей применения норм и иных нарушений, бездействие и правовое отчуждение»¹. Исходя из этого автор предлагает измерять «уровень законности» с учетом перемен состояний законности в стране, регионе и т.д. Динамика правопорядка в контексте приведенной цитаты также требует ее постоянного анализа на основании имеющихся эмпирических данных, позволяющих судить о его состоянии в отдельные исторические периоды и на этой основе делать вывод о его укреплении либо деградации.

Таким образом, правовая доктрина может рассматриваться как основополагающая система знания, формирующая и преобразующая правовую систему и в этом смысле находящаяся с ней в диалектической взаимосвязи, в результате которой формируется синтетическое состояние правовой системы и доктрины, отражающее потребности общества и государства (как следствие отрицания отрицания). Такое взаимодействие требует учета общепринятых правовых идей, принципов, основанных на особенностях отечественной правовой системы, ее традиций правотворчества и правоприменения, а также конкретной исторической ситуации, предполагающей общественный запрос на определенное правовое регулирование. Правовая доктрина обеспечивает взаимосвязь общества и государства, устанавливает модели взаимодействия, направленные на

¹ Тихомиров Ю.А. Как обеспечить законность? Новый подход // Российское правосудие. 2016. № 8. С. 6.

реализацию социальной справедливости посредством правотворчества и правоприменения. В этом заключаются ее общеправовой и прикладной аспекты¹. Служит она и квазиисточником права (нетипичным по своей природе), поскольку направляет и обосновывает решения в области правового регулирования, что зачастую можно выявить лишь по косвенным признакам.

Отметив эту диалектическую взаимосвязь правовой доктрины и практики (юридической науки и особенностей функционирования правовой системы), можно обозначить особенности процесса формирования доктрины, которые проистекают из сложившихся в обществе социальных и культурных ценностей, противоборствующих интересов и притязаний. В отсутствие идейно обоснованной (в концептуальном плане) научной теории, позволяющей примерить такие расходящиеся установки путем гармоничного упорядочивания общественных отношений, может усложняться политико-правовая обстановка, наблюдаться фрагментация правопорядка, нарушаться системность права и разрушаться единообразие в его толковании и применении. Возникает опасность обращения человека к неправовым средствам требования справедливости. По этой причине недооценка правовой доктрины и невнимательность ученых-правоведов, ее формирующих, к общественному запросу являются существенными рисками разбалансировки и дестабилизации правовой системы, которая с высокой долей вероятности проявит себя в определенный исторический период, если не обеспечить связь доктрины и практики.

Рассмотрение правовой доктрины как элемента развития правопорядка во многом связано с правовым статусом человека. Известно, что право определяет лицо, обладающее определенным набором субъективных прав и обязанностей общего и специального характера. Человек, являющийся в

¹ См., напр.: Емельянов А.С. Административно-правовая доктрина, идеи либерализма и развитие государственности в России // Политика и общество. 2012. № 12. С. 1236–1244.

необходимой степени частью социальной общности, отражает в своем поведении усвоенные элементы национальных традиций и культуры, правил поведения, в том числе демонстрирует свое к ним отношение, проявляющееся в индивидуальном и коллективном поведении. Поэтому человек, вовлекаясь во взаимодействие с коллективом, оказывается восприимчивым к политическим и правовым основаниям поведения, воспринимаемого в качестве должного.

В свою очередь, система государственных институтов позволяет устанавливать и реализовывать те или иные общественные инициативы, в рамках которых формируется практика поведения и происходит ее дальнейшее закрепление в качестве традиции. Такие традиции достаточно разнообразны и проявляются во всех сферах общественного взаимодействия: экономической, социальной, политической, культурно-идеологической и т.д. Они формируют мировоззрение, систему этических, эстетических идеалов, а также специфику картины мира. Без этого невозможно адекватное применение права независимо от особенностей правовой системы. В частности, общепризнана высокая роль доктрины как источника права для судебной практики стран общего права. Однако Р. Дворкин отмечал необходимость углубления доктринального исследования вопросов, например, находящихся на стыке права и морали. Иначе юрист, имеющий полноценное представление о понятии «вина» в различных областях юридической деятельности, может столкнуться с ситуацией, когда без должного анализа останутся моральные аспекты личности и совершенного деяния¹. По этой причине значение доктрины как источника права предполагает наполнение ее содержанием на практике и последующее научное исследование с целью дальнейшего развития.

¹ См.: Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2004. С. 19.

В странах континентального права можно выделить узкий и широкий подходы к определению правовой доктрины: в качестве источника права и в качестве разнообразия научных позиций, определяемых в ее рамках. При этом представители широкого подхода рассматривают доктрину в качестве политико-правовой действительности, которая отражает социально-правовые потребности общественного развития и служит целям объединения права и этики, морали, культуры и т.д. К ее сторонникам относятся С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, Н.И. Матузов, В.С. Нерсесянц и др.

Не следует, однако, переоценивать влияние социальных ценностей и интересов на формирование доктрины, поскольку в рамках правовой системы они скорее являются не ее элементом, а средой, в условиях которой она функционирует¹. По этой причине правильнее говорить о внешнем влиянии национальных ценностей и интересов на правовую систему, определяющем ее содержание, в том числе господствующую догму права, концепции правопонимания, правовую культуру и правовую идеологию. Через них опосредованно формируется правовая доктрина благодаря накоплению в рамках отраслевых исследований комплекса эмпирических данных и основанных на них суждений о явлениях в области права. Правотворческая и правореализационная практика обеспечены механизмом обратной связи с внешней составляющей, которая определяет регуляторные пределы норм права, в частности готовность общественности к их добровольному исполнению.

Таким образом, в любом обществе, в рамках которого функционируют государственные и общественные институты, формируются специфические ценности и традиции, свое понимание таких базовых принципов, как свобода, равенство, демократизм, верховенство права, права человека и т.д. По этой

¹ Это замечание основано на общеизвестном положении теории систем, в силу которого каждый отдельный элемент системы является самостоятельной системой низшего порядка. При этом система испытывает влияние отдельных ее элементов, а также среды, в которой она функционирует. См., напр.: Воронин М.В. Основания и проявления системности права: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2013. С. 20.

причине значительная роль в процессе их формирования отводится праву как социальному регулятору, усваивающему и направляющему в организационном и материально-правовом отношении общественное развитие. И именно благодаря правовой доктрине, позволяющей установить содержание общечеловеческих и специфических, национальных ценностей, возможен конструктивный диалог правовых систем, зачастую стремящихся к ускоренной унификации в ущерб национальным интересам (как прогнозируемый, так и не спрогнозированный). Подобная унификация должна проводиться на основании обстоятельных сравнительно-правовых исследований, учитывающих как удобство, так и несовершенство существующих классификаций правовых систем.

Изложенные рассуждения вновь подчеркивают значимость практики (опыта) для определения истинности или ложности определенных правовых концепций, формирующих правовые доктрины. В отсутствие апробации научного знания правовая доктрина не может существовать, равно как и право не способно служить адекватным регулятором без всесторонней оценки практики его реализации. В этой взаимосвязи возможно проследить общее и особенное между правовой доктриной и отечественным правопорядком, а также установить, в какой мере существующая законодательная и правоприменительная практика сопоставима с национальной правовой традицией, а в какой – создается и применяется без учета общенациональных интересов либо в угоду правопорядкам иных стран или региональных объединений. По этой причине актуальными видятся опасения отдельных авторов, касающиеся утратой законом нормативности и обязательности; большого количества законов, носящих технический характер; идеологизации права; отхода от правил юридической техники при составлении текстов нормативных актов; «правотворческого романтизма» и

т.д.¹ Приведенные проблемы сопровождаются конкретными примерами сбоев в правовом регулировании, устранение которых, по мнению Н.А. Власенко, должно происходить путем практического воплощения идей разумности и определенности в процессе правотворчества и правоприменения.

Следует учесть, что Н.А. Власенко полагает разумность права «универсальным принципом»², в силу которого возможно действие права при сохранении необходимой степени гибкости и эффективности. Эти качества права возможны при соблюдении баланса интересов субъектов права, осуществление которого предполагает мыслительную деятельность по установлению наиболее подходящего результата участия в правоотношении. Н.А. Власенко отмечает, что право только разумно в своих свойствах, методах и целях³, свидетельство чему находит в трудах Г. Гегеля, И. Канта, К. Фишера и др.⁴ Соглашаясь с автором, отметим, что долженствование в любой форме является порождением разума, а не природы⁵. По этой причине, справедливость права гарантируется и обеспечивается его разумностью.

В развитие данной мысли с учетом предмета настоящей статьи отметим, что содержательная сторона идей в области правового регулирования (как норм-принципов, отраженных в правовых актах, так и правовых норм, выводимых из буквы и духа) находится на пересечении юриспруденции, философии, иных областей социально-гуманитарного знания и формируется в модель поведения путем преобразования, накопленного этими науками объема научного знания в конкретные нормы права. Данное знание зачастую является фрагментированным и

¹ См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: Инфра-М, 2014. С. 25–35

² Там же. С. 46.

³ См.: Там же. С. 11–12.

⁴ См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. С. 39–45.

⁵ См., напр.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб.: Алетейя, 2000. С. 137.

разрозненным (например, общефилософские подходы к должному и справедливому и выводы социологии о моделях поведения отдельных социальных групп и т.д.) и благодаря проведению междисциплинарных исследований позволяет формулировать нормативные правила поведения. Этот процесс вполне можно обозначить как реализацию закона диалектики перехода количественных изменений в качественные, нашедшего отражение в трудах таких великих классиков, как Г. Гегель¹, К. Маркс² и Ф. Энгельс³.

Что касается закона единства и борьбы противоположностей (третьего основополагающего закона диалектики), то можно отметить, что процесс перехода правовых идей в общепринятые принципы и нормы права представляет собой непрекращающуюся дискуссию, притом не только в области частных проблем (таких, как соразмерность мер наказания за совершение преступлений в сфере экономики, степень общественной опасности оскорбления и т.п.), но и проблем фундаментальных, без принятия решения по которым кажется немислимым формирование единой правовой системы. К таким проблемам относятся вопросы правопонимания, системы источников права, пределов действия прав человека и т.д. По всем ним на каждом историческом этапе формируется определенный консенсус (*status quo*), и одной из важнейших задач правовой доктрины является отслеживание состояния этого консенсуса, в особенности в условиях современного стремительно изменяющегося мира. Как не без оснований отметил М. Ван Хук, президент Европейской академии теории права, «такой вещи как „право“ в реальности не существует. „Право“ – это то имя, которое люди решили дать определенным видам деятельности. И в зависимости от исходного варианта теории права данная реальность будет (слегка) различаться. <...> Реальность частично определяет теорию. Теория частично

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 221 с.

² См.: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М.: Прогресс, 2010. 775 с.

³ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1953. 328 с.

создает реальность»¹. В продолжение этой цитаты автор указывает, что подобное диалектическое взаимодействие не переходит в синтез, поскольку является бесконечным процессом. Однако и сама диалектика не предполагает покоя как результата синтеза в силу отмеченного закона отрицания, указывающего на содержание противоречия в любом синтетическом явлении.

Представленное краткое изложение применения законов диалектики к пониманию места и роли правовой доктрины в системе действующего правопорядка позволяет рассматривать его под углом конкретно-исторической обстановки. Поэтому отсутствие единообразного подхода к пониманию правовой доктрины негативно сказывается на понимании и применении общих принципов права, являющихся основой правовой системы. Благодаря доктринальным подходам к содержанию права устанавливается его идейно-воспитательное воздействие на общественные отношения, формируются правовая культура, обыденное и профессиональное правосознание, существование которых невозможно без представлений об идеалах правового регулирования. В нормах права эти идеалы находят обоснованное и рациональное выражение.

С учетом изложенных подходов к правовой доктрине обратимся к проблеме установления ее значения для господствующей догмы права. В литературе высказываются различные позиции по данному вопросу. Так, известно, что правовые догмы – это некие первичные, исходные элементы правоправедения, через которые материализуются правовые установления. При этом догма права является относительно стабильной. В частности, если обратиться к трудам известного российского юриста В.С. Нерсесянца, основоположника либертарно-юридической концепции понимания права, то можно заметить, что догмы о системе права, норме права (как первичном ее

¹ Хук М. Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Унив. изд. консорциум, 2012. С. 27.

элементе) и иные классические положения в целом схожи в изложении с аналогичными положениями представителей иных воззрений на понимание права (например, В.М. Сырых, В.В. Лазарев и т.д.). Также С.С. Алексеев отмечал, что «сама по себе догма права является идеологически нейтральной, допускает различные идеологические интерпретации и может включаться в правовую идеологию самой разной направленности»¹. Критически к этой позиции относится Н.В. Варламова, указывая, что «юридическая догматика всегда есть интерпретация определенного понимания права»². Созвучную позицию высказывает и В.В. Лапаева: «...то или иное понимание сущности права через понятие права воздействует на формирование доктрины и догмы права, оказывая таким образом существенное влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность»³.

Действительно, правовая догматика представляет собой учение о действующем праве и предопределяет порядок создания и применения правовых норм. Несмотря на различия в понимании права, ряд исследователей в части догмы права избирают относительно единообразный порядок изложения, рассматривая, однако, соответствующие положения через призму своего восприятия права. В этом отношении юснатуралист и позитивист будут по-разному относиться к норме права, поскольку для одного она будет воплощением принципа формального равенства, а для другого – правилом должного поведения, санкционированным государством и обеспеченным государственным принуждением. По этой причине догма права имеет в большей степени инструментальную основу для реализации правовых идей, позволяющую воплощать соответствующие доктринальные положения посредством апробированной и общепринятой методологии.

¹ Алексеев С.С. *Философия права*. М.: Норма, 1999. С. 52

² Варламова Н.В. *Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории)* // *Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки*. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. С. 270.

³ Лапаева В.В. *Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография*. М.: РАП, 2012. С. 11.

Догма права в этом смысле является центральным элементом связи науки и практики.

Что служит отправной точкой формирования научной доктрины, служащей целям развития правопорядка? С учетом обозначенного парадигмального подхода к исследованиям в области права видится, что данная работа должна производиться путем надлежащего использования правовых аксиом о функциях права и проблемах, на разрешение которых оно направлено. Подобный подход ориентирован на познание контекста, в котором функционирует и развивается общество, содержание которого имплицитно, понятно лишь интуитивно. В рамках парадигмальной картины проводимого исследования этот контекст необходимо выразить эксплицитно, чтобы в пределах научного дискурса не возникало проблем с интерпретацией терминологии. Служит этому не только полноценное исследование эмпирического материала, но и учет имеющихся работ по изучаемой проблеме, что усложняется в условиях экспоненциального роста научных публикаций. При этом не всякое научное знание преследует интересы поиска истины и воплощения разума.

Здесь следует согласиться с замечанием известного теоретика В.В. Лазарева, посвятившего цикл своих исследований проблемам юридической науки, необходимости поддержания объективности научной доктрины. В частности, автор определяет науку как «концептуализированную совокупность верифицируемых знаний о том, что есть и что может быть в мире идей и мире вещей в пространственно-временном и субъектном измерении»¹ и в этом отношении указывает на миссию общей теории права осуществлять глобальную рефлексивную рефлексию юридической науки в целом², в методологию которой входит как отвлеченная метафизика, так и всепроникающая эмпирика, где наиболее полезным является системный

¹ Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // Lex Russica. 2013. № 2. С. 181.

² См.: Там же.

подход¹. При этом В.В. Лазарев условно разделяет юридическую науку на три вида: 1) прислуживающую определенным интересам вопреки требованиям поиска истины; 2) обремененную поиском истины; 3) «словоблудие» (по замечанию автора – самая обширная ее часть)². В этом отношении, безусловно, поиск места и роли доктрины в развитии правопорядка должен быть сопряжен с установлением адекватного и актуального научного знания, направленного на практическое воплощение в интересах человека, общества и государства. Тут также можно проследить синтетическую связь доктрины и практики, поскольку «прислужническая» составляющая науки является недолговечной, подлежащей развенчанию практикой, а лишенные связи с реальностью научные концепции в практическое поле не попадут.

§ 1.3. Концептуально-парадигмальное содержание правовой доктрины и его отражение в национальном правопорядке

Современный национальный правопорядок в любой стране представляется как сложный полиаспектный механизм, пребывающий в состоянии постоянной трансформации, совершенствования, развития. Этот процесс ускоряется в силу экспоненциального роста общественного производства, увеличения численности населения, в особенности в развивающихся государствах, цифровизации и иных специфических черт современного общественного развития. В подобных условиях право вынуждено адаптироваться к меняющемуся контексту, формированию новых областей взаимодействия и, как следствие, новых конфликтов. В такой ситуации только путем проведения научных исследований и

¹ См.: Там же. С. 182.

² См.: Там же. С. 190–191.

формулирования концептуальных подходов в области правового регулирования возможно формирование должного правопорядка.

В настоящее время для Российской Федерации характерно широкое распространение комментариев к различным нормативным актам, в первую очередь ставших результатом кодификации законодательства в определенных отраслях. Эти комментарии используются при подготовке правовых позиций по вопросам правотворчества и правоприменения как в государственных органах, так и среди граждан. Поэтому доктринальное осмысление правовых предписаний, отраженное в комментариях к нормативным правовым актам, имеет прикладное значение, сопоставимое с актами официального разъяснения (толкования) права.

Правовая доктрина также позволяет развивать правопорядок путем совершенствования правовой системы благодаря проводимым междисциплинарным исследованиям, заимствованию методологии иных наук, использованию современных юридических технологий устранения дефектов права (пробелов, коллизий, в том числе противоречий в правоприменительной практике), рассогласованности в системе нормативных правовых актов, помогает обрабатывать большие массивы нормативного материала, а также выявлять приоритетные направления деятельности законодательных и иных правотворческих органов.

Доктринальные подходы к конструированию правопорядка позволяют отразить, и в некоторой степени сформировать общественные представления о должном правопорядке. Однако социальное конструирование, свойственное правовой доктрине, не может расходиться с существующими в обществе потребностями и запросами на свободу, защиту, собственность и спокойствие, благосостояние и стабильность, развитие и сохранение традиционного уклада жизни. Установление баланса различных, в том числе расходящихся, ценностных ориентиров общества является задачей правовой доктрины, представленной комплексом научных подходов, доминирующих

на существующем конкретно-историческом этапе, соответствующем современной ему научно-познавательной парадигме.

Также правовая доктрина опирается на сложившиеся в обществе интеллектуальные традиции, имеющееся знание, догму права (правовую доминанту, определяющую подходы к структуре и системе права), на национальный менталитет и господствующие идеи, которые в совокупности прямо или косвенно находят в ней отражение. В этом синтетическом значении в доктрине находят свое воплощение правовые ценности.

Здесь сложно согласиться с подходом С.В. Батуриной, указавшей в своем диссертационном исследовании, посвященном традициям российской правовой доктрины, что правовые ценности представляют собой элемент категории «правовая доктрина», утверждаемый «посредством официального признания и провозглашения»¹, наряду с правовыми знаниями, догмами, идеями и опытом (практикой). Внешнее выражение традиционных ценностей, как и идей, необязательно является официальным, поскольку традиционные ценности не определяются нормативными установками, не конструируются ими, а лишь обозначаются. Но независимо от такого обозначения они существуют и подлежат установлению и раскрытию юридической наукой, в связи с чем правовая доктрина может служить познавательным инструментом для последующего нормативного установления перечня (классификатора) традиционных ценностей. Но в силу сложности и изменчивости этого явления перечень традиционных ценностей не может быть статичным, поскольку в противном случае данное понятие не имело бы специфических характеристик, ориентированных на развитие. В этом отношении как идеология, так и традиционные ценности устанавливают определенный фундамент для определения параметров правопорядка, на основе которого возводится система целеполагающих и исполняющих их правовых актов. В свою очередь, сами ценности выстраиваются исходя из

¹ Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук. С. 54.

существующей на определенном историческом этапе философской картины мира, совокупности не подлежащих оспариванию установок, принимаемых в качестве достоверных. Применительно к научному познанию эти установки определяют методологию познания окружающего мира.

Термин «парадигма» впервые был применен известным физиком и историком Т. Куном применительно к естественным наукам¹. Парадигма мыслилась им как модель научной деятельности, определяемая принятыми аксиоматическими концепциями, на основании которых выстраиваются научные теории. По мере утраты объяснительного потенциала существующих теорий происходит переосмысление господствующих методологических установок и образуются новые модели формирования научного знания, отрицающие старые. В этом отношении Т. Кун рассматривал парадигму как элемент научной революции, благодаря которому осуществляется не поступательное планомерное развитие, а резкий скачок из одной системы научного знания в другую, отвечающую потребностям современности. Указанный подход, активно воспринятый отечественными правоведами, полезен в той мере, в которой он предполагает реализацию известных законов диалектики о синтезировании научного знания через отрицание предыдущих установок, а также в которой он позволяет выстраивать научные концепции, ориентируясь на развитие и относительность существующих господствующих установок. По этой причине парадигмальный подход востребован представителями интегративного понимания права, стремящимися сформулировать универсальное понятие права, исходя из детерминирующего в конкретный этап подхода к должному правовому регулированию.

¹ См.: Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. P. 172.

Юридическая наука, а за ней и практика, восприняли термин «парадигма» для целей обозначения системы устоявшихся представлений¹. По справедливому замечанию Н.А. Власенко, он имеет «эффективное методологическое значение для поиска новых знаний, по большому счету, для смены устоявшейся „картины“ знаний»² при его использовании в словосочетании «смена парадигм». В этом отношении вряд ли можно согласиться с позицией А.М. Асадова, отмечавшего, что «современное состояние юридической науки характеризуется радикальным, сопоставимым с научной революцией, изменением парадигмальной системы, состоящим в отказе от монистической модели науки, в рамках которой исторический и диалектический материализм квалифицировался как единственная подлинно научная теория и методология... При такой ситуации целесообразно отразить существующие в юридической науке парадигмальные системы и обозначить наиболее значимые из них, каковыми, без сомнения, являются институциональный и системный (структурно-функциональный) подходы»³.

Как видится, отказ от признания исторического материализма в качестве единственно верной теории, а также отказ от применения в качестве единственно научного материалистического метода, не предполагает необходимости полного отказа от них в силу непригодности для дальнейшего развития. Напротив, плюрализм методологических подходов, позволяющий использовать различного рода метафизические концепции, был известен человечеству давно и на сегодняшний день вряд ли отвечает целям развития

¹ См., напр.: Войниканис Е.А. Указ. соч.; Мамычев А.Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. 48 с.; Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук.

² Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. М.: Норма, 2023. С. 51.

³ Асадов А.М. Косвенные (опосредованные) административно-правовые отношения в сфере экономики и финансов: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 26.

и тем более способен сформировать научную картину мира. Также концепция исторического прогресса хотя и критикуется сегодня за узость своего объяснительного потенциала в условиях признания уникальности путей развития отдельных государств и цивилизаций, не утратила своей актуальности в части перехода общественного развития из одной исторической ситуации (общественно-экономической формации) в другую. Даже само признание А.М. Асадовым приемлемости парадигмального подхода в рамках научного прогресса по существу диалектично, как диалектичная и формационная подходы. По законам диалектики развивается и мир в концепции постиндустриального общества, разделяя его на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное.

Более того, А.М. Асадов признает, что получившие в современных условиях распространение «парадигмальные системы» представлены институциональным и системным (структурно-функциональным) подходами, известными еще в досоветский период российской истории¹. При этом оба упомянутых подходы в полной мере развивались и в советское время. Можно даже признать, что системный метод в юриспруденции как раз в советский период получил широкое развитие и существенно повысил качество нормотворческой и правоприменительной работы. По замечанию Н.А. Власенко, системная методология «...привнесла в юридическую науку много полезного. Право стали характеризовать как сложное, полиструктурное системное образование, обладающее всеми основными свойствами, присущими системам вообще»². К системосохраняющим факторам автор относит правотворчество, коллизионное право, судебную практику и т.д.³ Все перечисленные правовые явления были предметом

¹ См.: Там же. С. 27.

² Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография. С. 99.

³ См.: Там же.

изучения советской юридической науки, выводы которой зачастую на сегодняшний день воспроизводятся в качестве общепринятых.

Таким образом, можно заключить, что сама по себе смена политического режима, экономического курса, идеологической основы государства не предполагает смену парадигмы научного знания, поскольку научная дискуссия ведется в рамках прежней догматики и прежних, детально изученных советским правом, основ понимания права. Критерием, позволяющим утверждать о смене парадигмы, видится переход от одного типа мышления к другому, притом безвозвратный (при условии сохранения тенденций общественного развития). Применительно к общесоциальному уровню по этой причине можно говорить о трех типах парадигм: архаичной, традиционной и модерна. Термин «тип» употреблен сознательно. В силу очевидной исторической природы данной классификации напрашивается термин «этап». Кажется, очевидным, что традиционная парадигма должна прийти на смену архаичной, а модерн заменить традицию. Однако мало того, что в силу одновременного сосуществования нескольких культурно-исторических общностей применительно к каждой из них могут одновременно наблюдаться все три типа парадигм, так и в рамках одной культурно-исторической общности не может быть исключен обратный переход, например, от парадигмы модерна к традиционной (деградационный сценарий).

Известный историк права В.Г. Графский предлагает вести отчет истории права с первобытного (догосударственного) права, поскольку на этом этапе существовали нормы казуистического характера, направленные на установление объективной картины обстоятельств дела. При этом «[о]бычное право поначалу – это орудие поддержания порядка без участия государственно-властного администрирования»¹.

¹ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства М.: Норма, Инфра-М, 2000. С. 39.

В свою очередь, Е.Н. Черных и А.В. Венгеров, привнесшие в отечественный курс преподавания теории государства и права открытия науки антропологии, предлагают исходить из наличия в первобытном праве нормативных характеристик и именовать их нормативными регуляторами, относя к их числу следующие области воздействия: 1) биолого-психологическую; 2) брачно-семейную; 3) корпоративно-групповую; 4) мифолого-религиозную; 5) правовую; 6) моральную. Существенную роль в формировании этих типов регуляторов играли сложившиеся в первобытном обществе церемониалы, связанные с потребностью социального упорядочивания, взаимопомощи и поддержки членов общины.

Как отметил А.И. Ковлер, «начало социогенеза трудно проследить по памятникам каменной индустрии... но, тем не менее, можно привести пример погребения из Ля Шапелля, в котором находился 40–50 летний палеоантроп, пораженный жесточайшим деформирующим артритом. Этот пример свидетельствует о том, что только при бесперебойном обеспечении пищей... этот человек мог просуществовать несколько лет»¹. Приведенный автором случай наряду с иными убедительно демонстрирует стремление человеческих первобытных общин к формированию социальной культуры поддержки их членов. Первоначально такая поддержка осуществлялась путем применения негосударственных, архаичных, религиозно-этических регуляторов. В последующем, в процессе зарождения государственности, существенную роль в регулировании общественных отношений получили законодательные нормы, тесно связанные с сакральной составляющей отношений власти и подчинения. Здесь можно увидеть разницу с первобытным (архаичным) периодом истории, в рамках которого право переплетено с мифологией и имеет магическую природу². Разделение же

¹ Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов. М.: Норма, 2020. С. 108.

² Например, обряд манципации, существовавший в римском праве, имеет перечисленные характерные черты. См.: Дождев Д.В. Правовое общение: опыт римского права // Правовое общение: постановка проблемы. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 100–156.

нормативных регуляторов ознаменовало коренной перелом в мировоззрении, определило дальнейшее разграничение права и морали, обозначило различие между публичным установлением правил поведения, основанных на возможности принуждения к исполнению, и всеобще одобряемом или порицаемом поведении, не влекущем публичных карательных мер. В свою очередь, государственная власть периода Античности и Средневековья легитимировалась за счет религиозно-этической основы, и соответствующее влияние испытывало на себе право.

В.С. Нерсесянц указывал, в частности, на закономерность ценностно-культурных установок, системы этических и религиозных взглядов конкретного общества для формирования правовой культуры и правовой системы¹. По этой причине на протяжении истории, даже в условиях изменения социально-экономических, политических и иных условий жизни общества, сохраняется преемственность в историко-культурном отношении между правом и моралью, правом и религией. В то же время изменение материальных условий жизнедеятельности, предполагающее переход от одних форм общественных отношений к другим, требует перестраивания правотворческих и правоприменительных практик. Здесь существенное значение имеет процесс разделения труда, формирования новых производственных отношений, которые составляют предмет экономической науки, а не юридической². Однако с учетом взаимной связи этих направлений исследования, необходимо отметить следующее.

Существенное значение для перехода от архаичной формы правопорядка к традиционной является отношение общества к обращению с ресурсами, в частности с землей. Установление прав на землю отмечается подавляющим большинством исследователей в качестве обстоятельства,

¹ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма; Инфра-М, 2000. С. 272–277.

² См., напр.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.; Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2009. 960 с.; и др.

ознаменовавшего переход от доисторических форм отношений на основе равенства членов общины, занимавшейся собирательством и охотой, к оседлому образу жизни, требующему управления порядком жизнеобеспечения за счет земли (выращивания пшеницы, разведения домашних животных и т.д.). Переход к потребности управления общественным производством и, следовательно, разделению труда сформировали классовое общество, в рамках которого изменилось отношение к земле как к объекту правовых притязаний. Вместо коллективного ресурса земля стала рассматриваться в качестве объекта индивидуальной собственности управленческого класса, полномочия которому дарованы по праву крови. В дальнейшем, при переходе от традиционного общества к обществу модерна, оформилось разделение государственного суверенитета на территорию, подлежащую государственному управлению и защите, и собственности на землю, которой наделяются отдельные лица с целью организации жизнедеятельности.

Вслед за описанным процессом разделения труда в рамках архаики, традиционного общества и общества модерна развивалась и правовая доктрина как система взглядов на нормативное регулирование общественных отношений в рамках дискурса соответствующей парадигмы. На архаичном этапе освещением содержания должного правопорядка заняты жрецы, шаманы и иные члены общины, воспринимаемые в качестве проводников между земным миром и миром потусторонним. Право на данном этапе еще не существует отдельно от иных социальных норм, неразрывно связано с религией и этикой. Сочетается подобный порядок правления с коллективной собственностью на землю, мифологическим мировоззрением, как правило, религиозным политеизмом. В качестве формального выражения источников подобного рода норм можно обозначить Законы XII таблиц в Древнем Риме либо европейские правды (Вестготская, Салическая, Рипуарская,

Англосаксонская, Баварская, Алемандская, Тюрингская, Фризская и т.д. – периода VI–VIII веков н.э.)¹.

Последовавшее усложнение системы разделения труда, формирование новых средств производства, торговли потребовали усложнения системы правил общежития и установления общепризнаваемых норм, основанных не на божественном или обычном происхождении, а на общих представлениях о должном и справедливом. Благодаря этому стало возможным вести дела с соседними племенами и международную торговлю, несмотря на культурные, религиозные и иные отличия. Новая система универсальных норм формировала публичный порядок, пусть не разорвавший связи с религиозными представлениями о происхождении государственной власти и принимаемых ею управленческих решений, но отмежеввавший право от иных социальных регуляторов, оформила правовую доктрину как совокупность суждений ученых-правоведов о должном правовом регулировании. Формирующиеся монотеистические религии по всему миру ускорили процесс перехода к традиционному правопорядку и оформления индивидуальной собственности на землю.

В последующем ускорение исторического процесса, глобализация, связанная с религиозными войнами, Реформацией, обоснованием идеи государственного суверенитета и правового государства, привели к формированию парадигмы модерна и представлениям о правопорядке как о светском праве и наличии у него нескольких уровней регуляции, в частности национального, регионального и международного².

Разноускоренность процесса перехода от традиционного порядка управления к модерну может быть продемонстрирована на примере отмены традиционных способов ведения хозяйства и крепостного права в России

¹ См.: Шервуд Е.А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени. М.: Наука, 1992. С. 7.

² См., напр. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 521 с.; Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. М.: Мысль, 1999. С. 689–795.

лишь в XIX веке, в то время как в европейских государствах бóльшая часть элементов подобного рода производственных отношений была давно отменена. В.И. Сергеевич¹ отметил, что в России переход к принципиально новому уровню государственного управления пришелся на конец XV – начало XVI века, т.е. на царствование Ивана IV Грозного. С подобным подходом солидарны такие исследователи, как Н.М. Карамзин², Н.И. Костомаров³, С.М. Соловьев⁴, В.О. Ключевский⁵. Его логика прослеживается в отношении к земле как к родоплеменному ресурсу в течение периода от образования древнерусской государственности, последовавшего монгольского нашествия, освобождения от монгольского ига и завоевания новых земель, требовавшего совершенствования методик управления. Не послужило делу ускорения процесса правового развития и отсутствие полноценной рецепции римского права в период начиная с принятия христианства в правление Владимира I. Во многом этим объясняется сохранение в течение длительного времени, вплоть до XIX века, архаичных элементов правопорядка (например, родовых, т.е. коллективных, и благоприобретенных, т.е. индивидуальных имений дворянства согласно классификации, отраженной в работах К.П. Победоносцева⁶). Г.Ф. Шершеневич уже применительно к крестьянскому сословию указывает на общинную собственность как право собственности на землю, принадлежащее не конкретному лицу, а союзу сельских обывателей, каждый из которых в отношении нее обладает только правом пользования⁷.

¹ См.: Сергеевич В.И. Древности русского права: в 3 т. М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2007.

² См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: АСТ, 2011. 1280 с.

³ См.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993. 608 с.

⁴ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб.: Мысль, 1962.

⁵ См.: Ключевский О.В. Русская история. Полный курс лекций: в 5 ч. М.: Мысль, 1993.

⁶ См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: первая часть. М.: Статут, 2002. С. 141–183.

⁷ См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 217–226.

В результате В.И. Сергеевич пришел к выводу, что в России ни до XVI века, ни впоследствии не оформилось полноценной системы феодальных отношений. С этим выводом можно соглашаться или нет, но очевидным является то обстоятельство, что применительно к Древнему Риму и Европе мы видим последовательное изменение уровня разделения труда, общесоциальной парадигмы в праве и правопорядка. Для России эта последовательность не соблюдается. С одной стороны, принятие христианства стало опережающим изменением общесоциальной парадигмы, от которой отстал и уровень разделения труда, и правопорядок. С другой стороны, на XIX век приходится начало перехода от традиционной парадигмы к парадигме модерна, начало формирования национального правопорядка, соответствующего парадигме модерна, но в то же время этот нарождающийся национальный правопорядок сохраняет архаичные элементы. По замечанию П.Н. Милюкова, даже русский город «...не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны... Раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился правительству...»¹. В таких условиях основания для признания российского феодализма, предполагающего наличие правопорядка, исходящего из индивидуальной собственности на землю, отсутствовали. Более того, верховная власть всячески противодействовала формированию подобного правопорядка, о чем свидетельствует, например, дело Вердеревского, описанное К.П. Победоносцевым². Это не позволяло сформироваться в России гражданскому обществу в значении, придаваемом указанному термину в европейской и американской научной литературе.

При обращении к парадигме модерна необходимо отметить ее наступление вследствие зарождения промышленного производства, индустриализации, перемещения сельского населения в города

¹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 97.

² См.: Победоносцев К.П. Курс гражданского права: первая часть. С. 152–154.

(урбанизации), развития и усложнения государственных институтов, формирования бюрократического аппарата, а также зарождения гражданского общества¹. Рационализация отношений в обществе предъявила требования секуляризации, повышения обоснованности принимаемых управленческих решений, установления формально определенных правил поведения, распространения юридического равенства для целей стабильности и предсказуемости жизни. Усложнение взаимодействия между людьми в обществе модерна потребовало формирования демократических институтов коллективного принятия решений. В отличие от соответствующих институтов Античности и Средневековья в обществе модерна принцип демократизма в принятии решений принял массовый характер и потребовал институционального оформления.

Описанное явление вынужденно нашло отражение в философско-правовой доктрине, в рамках которой переломное значение имеют взгляды Г.В.Ф. Гегеля², выстроившего цепочку развития общества через взаимоотношения в семье, гражданском обществе и государстве как в трёх ипостасях человеческого взаимодействия, диалектически обуславливающих друг друга. Такое взаимодействие возможно только после преодоления периодов дикости и варварства, поскольку требует определенной цивилизационной надстройки, составленной из права, морали, долга, культуры, образования³. Государство и право, в свою очередь, являются институтами обеспечения общественных потребностей, защиты права собственности, согласования воли в процессе товарообмена и иных форм взаимодействия. Эта концепция согласуется с экономическими подходами сервисного государства, концепциями утилитаристов и либеральными рыночными идеями, заложенными в основу капиталистического

¹ См., напр.: Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 81–94.

² См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права.

³ См.: Там же. С. 167–169.

миропорядка¹. Научное обоснование идеи права через принцип равенства, естественных прав, присущих индивиду, либо посредством классового или иного подхода предполагает определение формальных критериев равенства. Для капиталистического строя такое равенство предполагает равенство в возможностях каждого отдельного лица в развитии, в то время как для противопоставленного ему социалистического строя равенство и свобода предполагали коммунизм, действия для достижения всеобщего блага. В обоих случаях в условиях существования государственных институтов право призвано обеспечить равенство и свободу в том ее значении, в котором данные термины понимаются на конкретном этапе общественного развития.

Наряду с установлением общесоциальных основ правового регулирования право, как предмет научного познания предстает для научной картины модерна в качестве инструмента системного упорядочивания общественных отношений, которому присущи свои объект, предмет, метод, а также субъекты. Правовые нормы формулируются исходя из общественного запроса и реализуют господствующие представления о сущности государства и права. При этом основой для обоснования содержания и форм внешнего выражения правовых норм могут служить как капиталистические, либеральные, а за ними и неолиберальные идеи, так и иные подходы к пониманию права, исторического процесса, экономических отношений и т.д. С точки зрения правовой доктрины догматика права не изменяется в зависимости от указанных явлений. Влияние на нее оказывает лишь изменение научной картины мира и глобальных форм мироустройства, базовых принципов социальной легитимации правовых норм, устанавливаемых с учетом господствующей философской картины мира.

¹ См., напр.: Мизес Л., фон. Либерализм. М.: Социум, 2007. С. 18; Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2010. С. 17–23; Рэнд А. Капитализм: неизвестный идеал. М.: Альпина Паблицер, 2011. С. 11–41; и др.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ОБЩЕСТВЕ

§ 2.1. Зарождение и становление российской национальной правовой доктрины

Концептуально-парадигмальные уровни юридической науки и правовой доктрины, выделенные в предыдущем параграфе, более точно называть контурами – внешним и внутренним. Первый определяет роль и место права в обществе, второй – его внутреннее строение. Их взаимодействие позволяет достичь всего того методологического разнообразия, которым отличается современная юриспруденция.

Установленная выше зависимость между уровнем разделения труда, содержанием правовой доктрины и действующим правопорядком на эмпирическом уровне нашла свое подтверждение еще в конце XIX века. Так, английский историк юриспруденции Ф.У. Мейтленд ввел в научный оборот понятие «юридическое столетие» (*legal century*), подразумевающее резкое развитие определенных научных взглядов, концепций и аксиом в области права, формирующих основу для правопорядка. Применительно к Европе автор указывал на два таких столетия: XII и XIX века¹.

В Европе XII века заканчивается период натурального хозяйства и возникает продуктивное разделение труда, что обуславливает переход от архаичной парадигмы к традиционной христианской; соответственно, правопорядок, основанный на коллективной собственности на землю, сменяется правопорядком, в основу которого ложится индивидуальная

¹ См., напр.: Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. СПб.: Алетей, 2014. 696 с.

собственность на землю. В то же время происходит популяризация римского права, которое активно изучается в университетах, в частности в Болонском университете¹, где производились исследования выявленных источников римского права, систематизированных в виде Дигестов и Пандектов, преимущественно в рамках юстинианской кодификации. Благодаря формированию спроса на мнение квалифицированных университетских ученых по вопросам права возрождение римского права стало общеевропейской тенденцией², стали формироваться приспособленные к современным нуждам работы в области юриспруденции, основой для которых служили принципы римского права и сформированные им институты. Благодаря этому возрастал спрос на обособление научного сообщества в области права, появились первые научные школы и начали присваиваться ученые степени. Именно эти процессы справедливо отмечены Ф.У. Мейтлендом как наиболее важные для формирования общеевропейской правовой доктрины, установления общих основ правопорядка.

Отметим, что Н.М. Карамзин в своей работе «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (далее – Записка) обратил внимание на то, что «[в] XI в. <...> Ярослав дал народу свиток законов гражданских, простых и мудрых, согласных с древними немецкими. Одним словом, Россия не только была обшитым, но, в сравнении с другими, и самым образованным государством»³. В этом отношении исторический анализ отечественных правовых традиций также может привести к выводу о наличии укоренившихся основ в области права.

¹ См., напр.: Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2000. 331 с.

² Следует отметить, что первоначально европейские университеты включали только четыре факультета: юридический, теологический, философский и медицинский.

³ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. М.: Грифон, 2012.

Не менее значимым для европейского правового пространства является XIX век, когда юридическая мысль снова сконцентрировалась в Западной Европе, к которой во второй половине века присоединились Россия и США.

Экономики развитых государств того времени начинают переход к новому технологическому укладу, ускоряется международный товарообмен, зарождаются новые способы производства и потребления, усложняется взаимодействие в процессе производства, появляется всё больше специалистов технического профиля. Благодаря этому повышаются производительность труда и качество продукции. Тем самым создаются условия для перехода от традиционной парадигмы к парадигме модерна, требующего нового содержания правопорядка, в том числе признания права собственности на землю и государственного суверенитета над территорией.

Приведенные тенденции общественного развития были отмечены известными экономистами А. Смитом¹, Д. Рикардо², К. Марксом³ и др. Несмотря на расходящиеся подходы в оценке дальнейших тенденций мирового развития экономики, авторы, по существу, были едины во мнении о появлении качественно нового типа соотношения производительных сил и производственных отношений, которые должны были получить должную доктринальную оценку. В этом отношении К. Маркс сделал важнейшее для правовой доктрины замечание о надстроечном характере права, определяемом экономическим базисом.

Важной в контексте настоящего исследования также является дискуссия между А. Тибо⁴ и Ф.-К. фон Савиньи⁵ по поводу необходимости и

¹ См.: Смит А. Указ. соч.

² См.: Рикардо Д. Указ. соч.

³ См.: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М., 2011. 691 с.; Он же. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Кн. 2. Процесс обращения капитала. М., 2011. 645 с.; и др.

⁴ См.: Thibaut A. *Über die Notwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland*. Heidelberg: C.F. Müller, 1814; Hattenhauer H., Buschmann A. *Textbuch zur Privatrechtsgeschichte der Neuzeit*. München: Beck, 1967. S. 232 ff.

⁵ См.: Савиньи Ф.-К., фон. Указ. соч. С. 18–36.

порядка осуществления кодификации немецкого гражданского законодательства. Тибо в этом отношении можно считать основоположником философской школы, в то время как Савиньи – исторической. Каждая из этих школ задействовала аргументацию в области правообразования, правотворчества и правоприменения, которые послужили основой дальнейшего развития различных направлений понимания права, обособив юридический позитивизм в качестве доктрины, наиболее ориентированной на практику.

Применительно к России переход к новому технологическому укладу состоялся несколько позже, во второй половине XIX века, и был связан с реформами Александра II, в особенности со знаковым событием для отечественного правопорядка – отменой крепостного права в 1861 году. Указанные реформы во многом стали ответом на вызовы современности, обнаружившиеся в ходе Крымской войны. Однако связывать их исключительно с усиливавшимися крестьянскими волнениями и поствоенным кризисом было бы неверно. Во многом толчком к реформам послужили идеи М.М. Сперанского, сориентировавшего отечественную правовую мысль в направлении европейских научных школ. Из Российской империи начали отправляться на обучение российские студенты, которые на основе полученных знаний распространяли усвоенные европейские правовые традиции уже в российских университетах. Стали появляться учебники по праву на русском языке, в том числе переведенные на русский язык немецкие и иные европейские работы для студентов¹.

¹ См., напр.: Томсинов В.А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // Университетская реформа 1863 года в России. М.: Зерцало, 2012. С. LXVIII–CXVII; Шатилова В.П. Динамика изменения инфраструктуры научно-исследовательской деятельности в Российских университетах XIX века // Человек и образование: научный педагогический и психолого-педагогический журнал ВАК РФ. 2012. Вып. 1. С. 151–157; Посохов С.И. Уставы российских университетов XIX века в оценке их современников и потомков // Вопросы образования. 2006. Вып. 1. С. 370–381; Станкевич Г.В. Юридическая наука и российские реформы во второй половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 183 с.; и др.

Со второй половины XIX века до 1917 года в России сформировалась в области права научная школа, включающая в себя следующие основные направления: консервативное (С.С. Уваров, К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев)¹; либеральное (Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин)²; радикальное (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев, С.Г. Нечаев, Г.В. Плеханов)³; естественно-правовое (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой)⁴; историко-правовое (В.И. Сергеевич, И.Е. Андреевский, Ф.И. Леонтович, М.Ф. Владимирский-Буданов, А.Д. Градовский)⁵; позитивистское (Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев)⁶; идеалистическое (Б.А. Кистяковский, А.С. Яценко,

¹ См., напр.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб.: Комплект, 1992. 672 с.; Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 201 с.; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Благословение, 2011. 816 с.; и др.

² См., напр.: Лекции Т.Н. Грановского по истории позднего Средневековья (записи слушателей с авторской правкой). М.: Наука, 1971. 422 с.; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М.: К. Солдатенко и Н. Щепкин, 1858. 389 с.; Он же. Курс государственной науки. В 2 т. М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1894, 1896. 492 с. - 437 с.; и др.

³ См., напр.: Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произведения в 2 т. М.: Мысль, 1965. 554 с. - 481 с.; Ткачев П.Н. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1975. 388 с. - 403 с.; Нечаев С.Г. Катехизис революционера. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.; Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956; и др.

⁴ См., напр.: Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Алгоритм, 1996. 502 с.; Он же. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л.: Лениздат, 1990. С. 88–99; Новгородцев П.И. Декларация прав человека и гражданина // Научное слово. 1905. Кн. 5. С. 46–59; Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. 224 с.; и др.

⁵ См., напр.: Сергеевич В.И. Древности русского права; Он же. Задача и метода государственных наук. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. 244 с.; Андреевский И.Е. Полицейское право. В 2 т. СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1873, 1874. 648 с. - 815 с.; Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. 404 с.; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.; Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность // Собр. соч. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. Т. 6. С. 28–106; Он же. Национальный вопрос // Там же. С. 225–263; Он же. Возрождение Германии и Фихте Старший // Там же. С. 107–159; и др.

⁶ См., напр.: Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900. 138 с.; Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Н.К. Мартынов, 1907. 348 с.; Он же. Русское государственное право. В 2 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909; Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1908. 242 с.; Муромцев С.А. Определение и основные разделы права. М., 1879. 250 с.; и др.

Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин)¹; неоидеалистическое (Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин)² и др. Сложно назвать другой период в истории отечественной юриспруденции, в рамках которого за жизнь одного поколения возникло такое количество оригинальных и самобытных направлений, обеспечивших достижение столь непревзойденных по охвату и глубине исследования результатов научной деятельности, не утративших своего значения и для будущих поколений ученых.

Благодаря возможности реализации в ходе публичной дискуссии идей равенства и справедливости юриспруденция получила общественное признание. Профессия юриста стала одной из наиболее популярных. Высшее юридическое образование давалось в Московском, Санкт-Петербургском, Казанском, Харьковском, Дерптском, Киевском, Новороссийском университетах, Царскосельском лицее, Императорском училище правоведения, Ярославском Демидовском лицее, в лицее князя Безбородко. Многие студенты после завершения обучения проходили стажировку в Германии и других странах с влиятельными научными школами, после чего продолжали преподавать в российских учебных заведениях. Этот процесс поспособствовал включению Российской империи в общемировую юридическую науку.

В рассматриваемое время в результате реформ в юридическую деятельность были вовлечены в качестве присяжных заседателей простые граждане, выносившие много раз решения не в пользу властей. Появилась профессия присяжных поверенных, среди которых были известные всей

¹ См., напр.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. 700 с.; Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 408 с.; Сорокин П.А. Преступность и её причины. Рига: Наука и жизнь, 1913. 46 с.; и др.

² См., напр.: Бердяев Н.А. Судьба России. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 327 с.; Ильин И.А. О русской идее. 1948 год // Православие.ru: интернет-журнал. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/367.htm> (дата обращения 20 октября 2015 г.); Он же. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 510 с.; Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Мосты: сб. ст. к 50-летию русской революции. Мюнхен: ЦОПЭ, 1967. С. 7–32; и др.

стране специалисты. Сами присяжные поверенные объединялись в профессиональные корпорации. В Москве и Петербурге создавались научные юридические общества. Выходили специальные юридические периодические издания. Благодаря этому за столетие отечественная юридическая наука обрела новое значение не только внутри страны, но и на общемировом уровне. Отечественная юриспруденция стала полноценной частью мировой правовой науки и начала генерировать собственные идеи.

Изложенное позволяет установить взаимосвязь между формированием новых правовых научных школ во второй половине XIX века в России благодаря выявившимся в первой половине века противоречиям, потребности в быстром переходе от продуктового хозяйствования к новому технологическому укладу, а также сотрудничеству отечественных и европейских (в основном немецких) ученых юристов, и появлением полноценной отечественной правовой доктрины, отвечающей потребностям современности.

Однако этот процесс был сопряжен также еще с одним противоречием – между зарождающимся в России правом модерна и особенностями отечественного религиозного правосознания. Разрыв связи между правом и религией, существовавший столетия, требовал от правовых норм получения нового авторитетного источника властного управления, благодаря которому право исполнялось бы в силу не только принуждения (чрезмерное количество которого служило бы только делигитимизации права в глазах общественности), но и уважения. Данная проблема проявила себя еще в период царствования Александра I, когда наибольшее значение для отечественного правопорядка имели споры между Н.М. Карамзиным,

приверженцем (и во многом автором) охранительной идеологии¹, и сторонником либеральных реформ М.М. Сперанским².

Вновь обратим внимание на Записку Н.М. Карамзина, упомянутую выше применительно к оценке отечественного правопорядка в XI веке. Отмечая особую значимость исторической преемственности (с которой и начинается Записка), автор множество раз обращается к тематике мудрых и справедливых законов, которые следуют общемировым тенденциям гражданского просвещения, но сохраняют национальные обычаи: «Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита, или патриарха, с волею верховною; но лучше, если сие согласие имеет вид свободы и внутреннего убеждения, а не всеподданической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти от гражданской предполагает мнение, что первая бесполезна, или, по крайней мере, не есть необходима для государственной твердости, – пример древней России и нынешней Испании доказывает совсем иное»³.

¹ См., напр.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 153–207.

² См., напр.: Сперанский М.М. План финансов // Золотые страницы финансового права / под ред. А.Н. Козырина. Т. 1. У истоков финансового права. М.: Статут, 1998. 472 с.; Он же. О силе правительства // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. С. 417–421. «План финансов» М.М. Сперанского впервые был опубликован в 1885 году историком Куломзинным, даже само название придумал последний. До этого времени работа оставалась малоизвестной, так как представляла собой записку, поданную Сперанским на имя императора. Есть мнение, что сами идеи, которые легли в основу этой записки, принадлежат соратнику М.М. Сперанского – М.А. Балугьянскому, который приехал в Россию из Австро-Венгрии (сам он венгр по происхождению) для преподавания. Он вначале работал профессором права в Санкт-Петербургском педагогическом институте, был первым ректором Санкт-Петербургского университета, а в правление Николая I назначен на должность начальника II отделения С.Е.И.В. канцелярии, которая занималась кодификацией законодательства. На последнем посту формально он был руководителем М.М. Сперанского. Таким образом, есть основания полагать, что многие правовые идеи либеральной направленности были высказаны представителями «университетской среды» (см., об этом: Гинзбург Ю.В. Формирование предмета науки финансового права в России в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 148 с.).

³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 37.

Примечательно, что Записка Н.М. Карамзина стала ответом на либеральные инициативы М.М. Сперанского. Она критиковала конституционную реформу, претендовавшую на ограничение царской власти: «... что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»¹; «...две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, готовые терзать друг друга, а право без власти есть ничто... Самодержавие основало и воскресило Россию... В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное»²; «...Россия гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием...»³ и т.д. Таким образом, российское самодержавие рассматривалось не только как наиболее правильная форма правления согласно общемировому историческому процессу, но и как традиционная национальная потребность, обеспечивающая защиту от смуты.

Подлинно научная дискуссия в отечественной юриспруденции о направлениях правовых реформ приходится на конец XIX века и связана уже с именами других представителей юридической мысли. Как ни странно, камнем преткновения в дискуссии отечественных правоведов стало право собственности.

Одним из наиболее авторитетных представителей российского консервативного направления мысли являлся К.П. Победоносцев, который занимал пост обер-прокурора Святейшего Синода и, по существу, формировал идеологию Российской империи, в том числе направление правовой мысли. Его подходы отличались цельностью и последовательностью, своих позиций автор на протяжении десятилетий не менял, что способствовало его длительной политической карьере. Основой учения К.П. Победоносцева можно считать «верное чувство простого

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 157.

² Там же. С. 168.

³ Там же 172.

человека», познание которого автор считал важнейшей задачей государя при принятии решений по справедливости¹.

К.П. Победоносцев, являвшийся представителем традиционного учения в области права, был видным представителем цивилистической юридической науки, занимал должность профессора Московского университета, преподавал в царской семье, а также имел множество значимых государственных должностей на протяжении конца XIX – начала XX веков, в том числе заседал в Сенате и служил обер-прокурором Святейшего Синода.

Во многом богатое наследие автора можно оценить по содержанию его программной статьи «Великая лож нашего времени»², которая была представлена в Московском сборнике 1896 года. По сей день аргументация, представленная в этой работе, находит свое отражение в отечественных исследованиях как среди цивилистов, так и иных представителей российской юридической науки, и является подлинной классикой отечественного государственно-правового традиционалистского учения. В ней К.П. Победоносцев изложил свои воззрения на сущность государственной власти и государственного управления, указав на высокое значение жертвенности и священности как оснований осуществления правового регулирования и принятия государственных решений. В частности, автор пишет, что стабильность в общественной жизни коренится в отношениях между обществом и государством на основах взаимного признания, в рамках которого человек осознает свою роль как элемента государственной жизни. Государственная власть, в свою очередь, имеет божественное происхождение, что наполняет государственно-правовые явления сакральным смыслом и предполагает непререкаемый авторитет правовых

¹ См.: Тесля А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 151–172.

² См.: Победоносцев К.П. Великая лож нашего времени // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. С. 440–447.

норм. Священная роль государственной власти требует от граждан самопожертвования даже в условиях, когда цели принятия тех или иных решений могут быть не ясны.

Подобное отождествление власти и самопожертвования в конечном итоге предполагает всеобъемлющее подчинение человека, а также говорит о вневременном характере государственной власти, закрывая при этом дискуссии о вопросах добра и зла применительно к дискурсу об отличии «права» от «неправа». Политико-правовые воззрения К.П. Победоносцева выражены в его религиозно-нравственном обосновании роли государства в жизни общества. Акцент на единство власти и народа (в котором народ выступает проводником государственной власти) устанавливается на уровне служения государству как следствие служения Богу. Учение К.П. Победоносцева дихотомично в плане взаимодействия народа как слуги государства и власти, подчиненной (но не подотчетной) народу. Решения, противоречащие народным чаяниям, приводят к нарушению стабильности и волнениям, что также требует от монарха и государственных служащих жертвенности, направленной на обеспечение национальных интересов. Отметим, что подобный взгляд на взаимоотношения государства и гражданского общества через взаимное пожертвование в той или иной мере предполагает поиск баланса публичных и частных интересов, дискуссия по поводу которого ведется по сей день с использованием разного рода аргументов. В частности, с иных позиций, по существу, к тем же выводам приходит Г.Ф. Шершеневич, что будет показано ниже. В этом отношении правовая доктрина, используя различные методологические основания, приходит к одному заключению о необходимости сообразования государственной деятельности и общественных ожиданий.

Также в своих публикациях К.П. Победоносцев указывает на то, что смысл власти, кроме самопожертвования, состоит в воспитании народа. Здесь государство осознается в характерном для русской консервативной мысли в патримониальном контексте, а именно как большая семья, в которой

только смирение, жертвенность, отказ от собственного «я» способны создать общественный порядок и гармонию. Самодержавие, таким образом, представляется как равнодействие и равноудаленность от всех частных интересов. Оно выступает посредником между всеми сословиями, объединяя их, направляет на обустройство и укрепление общего порядка.

Изложенное свидетельствует о том, что отнесение учения К.П. Победоносцева к традиционным течениям было бы редукционизмом. Его взгляды предполагают элементы архаики, ностальгию по великому прошлому, сожаление по утраченным возможностям. Такие установки направлены на сильный эмоциональный отклик, требующий консолидации общества в интересах утраченного благополучия.

Для К.П. Победоносцева демократизм и либерализм означают отсутствие согласия в обществе и беспорядок, который может привести к войне всех против всех. Само по себе народовластие для него не является вредной идеей, но оно понимается в контексте библейского периода истории, применительно к которому речь обычно идет о проповедовании самопожертвования, отказа от земных наслаждений и преследования общественного блага как самоцели в ущерб личной свободе. Осознанное самопожертвование, таким образом, является идеалом народовластия К.П. Победоносцева. Подобного рода позиции для критики либерализма создают основу для обвинения либеральных ценностей эгоистическими, безнравственными, противными человеческой природе и традиционным ценностям (применительно к отечественной правовой системе – религиозным ценностям, нашедшим отражение в православной доктрине).

К.П. Победоносцев причину всех общественных неурядиц видел в преувеличенном внимании, которое люди обращают на «...учреждения или отвлеченные начала, большей частью ложные или лживо приложенные к жизни и действительности...»¹. Выступая противником популярных

¹ Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. С. 442.

современных ему подходов институционалистов, позитивистов и рационалистов, он указывал, что сами по себе теоретические концепции находят мало общего с реальной жизнью, в связи с чем увлечение такими теориями может привести к размыванию основ общественного порядка и нравственности. Тем самым в заложенных им основах отечественного этатизма краеугольным камнем стал тезис об ущербности стремлений к механистическому объяснению общественных процессов подобно методологии точных наук, поскольку такое объяснение применительно к социальной среде носит вероятностный характер, критерием оценки его является здравый смысл. Противопоставление теории и практики, «основных начал» и конкретных общественных отношений является наиболее порочной и опасной тенденцией общественного развития.

Для К.П. Победоносцева либеральная демократия как раз и представляется ярчайшим примером такого противопоставления теории и практики. Вытекающая из этой модели народовластия теория парламентаризма видится ему заключением, основанным на недостоверных принципах и концепциях, которые легко опровергаются путем наблюдения за общественными процессами. Подобного рода теория требует существенных изменений в глубоко укоренившейся политико-правовой системе, смены вековых устоев. Критика же «лжи» демократической концепции, основанной на конституционализме и парламентаризме, для К.П. Победоносцева и как ученого, и как государственного деятеля была основным смыслом общественного служения.

Описанная достаточно категоричная позиция, касающаяся возможностей утверждения демократического общественного устройства, в концептуальном плане опровергалась одним из известных сторонников позитивистской концепции права, теоретиком государства и права, цивилистом Г.Ф. Шершеневичем.

Формулируя свою философско-правовую концепцию, касающуюся государства и права, Г.Ф. Шершеневич заимствовал методологию и

терминологию парадигмы модерна, благодаря чему обосновывал установление правопорядка во главе угла концепции юридического позитивизма. При этом автор является ярчайшим последовательным представителем российской научной школы позитивизма, поскольку его концепция носила междисциплинарный характер, находила подтверждение в иных областях социального знания и обладает по сей день определенным значимым объяснительным потенциалом. Опираясь на широкий перечень современных его эпохе достижений философии, социологии, политической экономики, автор делает вывод о необходимости формально-юридического регулирования общественных отношений на основании закона.

Ориентация правоведения на ностальгию по утраченному идеалу, по мнению Г.Ф. Шершеневича, представляет угрозу для правопорядка, поскольку ведет к поиску справедливости не в будущих разработках адекватных правовых механизмов, а в историческом материале¹. Автор считает, что право следует рассматривать только как формально установленные и принятые компетентным государственным органом нормы права, обеспеченные государственным принуждением.

Объективное право (англ. *law*, фр. *loi*) и субъективное право (англ. *right*, фр. *droit*), с позиции Г.Ф. Шершеневича, не следует мыслить в качестве двух составляющих одного понятия, что легко можно сделать по причине отсутствия самостоятельных терминов для данных явлений в русском языке². Право в субъективном и в объективном смысле образует самостоятельные научные категории, среди которых объективное право предполагает право субъективное, но не наоборот. Само по себе субъективное право должно обеспечиваться наличием оснований в праве объективном (абстрактное правило, включающее возможность защиты нарушенного права с использованием государственного принуждения). В связи с этим

¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 1. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. С. 8.

² См., напр.: Завьялов Ю.С. Указ. соч.

субъективное право является производным от права объективного, подчинено ему и не может существовать независимо от него. Исходя из изложенного, право в целом (во всей совокупности вкладываемых в это слово значений) Г.Ф. Шершеневич характеризует следующими признаками: оно (1) определяет поведение лица и (2) обеспечивает принуждение, которое (3) исходит от государства.

С учетом совокупности перечисленных выше признаков автор приводит такое определение права: «...норма должного поведения человека, неисполнение которой влечет за собой принуждение со стороны государственных органов». Его тревожило чрезмерно расширительное толкование права, включение в это понятие других отношений, которые не подпадают под его действие или подпадают только частично: «...расширение права производится главным образом за счет нравственности. Право часто приписывает себе то, что на самом деле создается и поддерживается моралью, не так заметно для глаза, но зато гораздо прочнее...»¹. Вместе с тем автор признавал, что право представляет собой явление общественной жизни, а потому тесным образом связано с функционированием иных социальных регуляторов. Поэтому сущность права может ускользать от исследователя, если не рассматривать его проявления в совокупности с иными областями человеческого взаимодействия. Но проблемы сущности права – это вопрос не юридической науки, а иных областей гуманитарного знания.

Приведенная позиция является основой для критики Г.Ф. Шершеневичем теории естественного права, поскольку данная концепция не только не выдерживает, по его мнению, критики, связанной с подменой предмета исследования, но и представляет опасность, выражающуюся в формировании представлений о праве, связанных с некими общественными идеалами, которыми оно фактически не обладает. Ввиду

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 т. Т. 1. С. 23.

этого вред юснатуралистических воззрений выражается в раздвоении понимания права как сущего и как должного, что размывает признак государственного повелительного характера правовых норм, раздваивает правоотношения, включая в область нормативного регулирования, помимо правовых, иные социальные нормы.

Таким образом, по мнению Г.Ф. Шершеневича, право следует отграничивать от морали и нравственности, в том числе на понятийно-категориальном уровне. Поиски элементов морали в праве могут привести к спорам о сущем праве и праве должном, что влечет утрату доверия к правовым институтам, поскольку с субъективной точки зрения любое неудобное применение права по отношению к конкретному лицу возымеет с его стороны противодействие, вполне аргументированное. На этом основании автор спорит с И. Кантом, утверждая, что отсутствует некий незаблестимый категорический императив, нравственные основы общежития, которые могли бы быть учтены законодателем. Общественная мораль трансформируется в зависимости от обстановки, от исторической ситуации и обуславливается ими на содержательном уровне.

Изложенные исходные позиции концепции Г.Ф. Шершеневича, тесно связывающие правовые нормы с признаком государственного принуждения как неотъемлемо им присущего, не позволяли автору относить к таким нормам положения конституционного, канонического и международного права, поскольку они не предполагали санкции за нарушение права. Следует отметить, что в доктрине подобные воззрения присутствуют и на сегодняшний день (классический пример – статья 89 Конституции РФ, в силу которой Президент Российской Федерации осуществляет помилование: санкции за отсутствие реализации этого права не установлены).

Однако Г.Ф. Шершеневич связывает право с государственным принуждением не по той причине, что, например, конституционные нормы не являются правовыми по причине невозможности применения государственного принуждения. Для автора они носят надправовой характер,

поскольку подчиняют себе деятельность государственных органов и должностных лиц. Конституция в этом отношении не может являться основным правовым актом, поскольку содержит ключевые нормативные начала регулирования государственной деятельности и порядка принятия правовых актов. Конституционные нормы видятся автору отражением общественного мнения о порядке взаимодействия государства и общества. Высокий уровень абстрактности конституционных норм, таким образом, дает государству определенную свободу в принятии решений, касающихся осуществления государственной власти, гарантирования прав и свобод, предоставляемых гражданам. Государственная власть в этом смысле не подчинена праву, она черпает из него собственную легитимность, не будучи связанной санкциями, обращенными к себе. В этом противоречии Г.Ф. Шершеневич видит критерий отличия права от надправовых явлений, к которым относит и международное право, отражаемое в международных договорах, принимаемых равноправными субъектами – государствами. Поскольку отсутствует наднациональное правительство, не может существовать и наднационального принуждения государства, связанного с подчинением его власти более высокого порядка. Эта позиция согласуется с немецкой доктриной международного права, отрицавшей свойства права за международным правом. В условиях, когда правовые нормы основаны на всеобщем признании, действует не принуждение к исполнению, а самоисполнение норм, чего для права недостаточно.

Таким образом, Г.Ф. Шершеневичу источником права видится исключительно государство, которое самоограничивается в рамках национальной правовой системы и во взаимоотношениях с иными государствами в том смысле, в котором оно готово предоставить свободу общественного развития внутри государства и развивать сотрудничество с иными странами, руководствуясь принципами нерушимости обязательств (*pacta sunt servanda*), добросовестности и разумности с учетом национальных интересов.

Разграничение между правом и произволом видится автору в подчинении производного от государства характера правовых норм принципам и нормам более высокого порядка, позволяющим судить о предсказуемости государственной правовой политики и функционирования правопорядка. В тех случаях, когда государство принимает нормы и в последующем отказывается само их соблюдать, можно вести речь о произволе, расходящемся с правом. Поддерживает защиту от произвола общественное мнение, требующее стабильности общественных отношений и защиты от решений, расходящихся с правом. В этой диалектической дихотомии общественного развития заключается регулятивная роль права, которая, как вытекает из учения Г.Ф. Шершеневича, не нуждается в дополнительной юснатуралистической легитимации, носящей сакральный и ничем не подтверждаемый характер. Общественный запрос и общественное мнение, выражающее требование в подчинении государства праву, обеспечивают качество права, позволяющее ему служить гармоничным регулятором общественных отношений. Отграничение национальных интересов от иных существующих в обществе (корпоративных, культурных, духовных, профессиональных и пр.) предполагает поиск баланса.

Подобного рода воззрения вполне позволяют аргументированно обосновать формирование и развитие правопорядка по сей день, что и приводит к плюрализму типов правопонимания, в рамках которого поиск воззрений, отличных от позитивизма, не может в полной мере противопоставить новые отыскиваемые свойства права (классовые, информационные и пр.) позитивистской концепции. В этом отношении правовой позитивизм Г.Ф. Шершеневича не является редуционизмом, сводящим сложные правовые явления к государственному принуждению. Скорее, свойственный научному позитивизму XIX века подход использования «бритвы Оккама», отбрасывающий концепции, не служащие конкретным прикладным целям, зачастую служит целям ускорения общественного развития и отказа от демагогии. Правовая доктрина в рамках

позитивистской концепции направлена на объяснение явлений, связанных с надлежащим функционированием права, основанным на конституционных и иных нормах высшего порядка.

Рассмотренные в настоящем параграфе подходы сформировали множество течений в рамках отечественного дискурса по поводу сущности права и ее отражения в правовых нормах. На этом фоне на рубеже XIX–XX веков произошел переход от традиционной парадигмы к парадигме модерна, заложившей основу отечественного правопорядка.

§ 2.2. Советская правовая доктрина

События в отечественной истории XX века, связанные с произошедшей революцией 1917 года и последовавшими за ней военной иностранной интервенцией и гражданской войной, привели общество в состояние ускоренного поиска новых оснований для объяснения правовой жизни в условиях построения социалистического общества через инструментарий диктатуры пролетариата. Усиленное внимание к государственно-правовым явлениям, свойственное марксистско-ленинскому учению, привело к широкомасштабным исследованиям, направленным на объяснение сущности государства переходного периода, которое должно было быть противопоставлено государствам эксплуататорского типа и при этом иметь своей конечной целью исчезновение благодаря формированию институтов общественного самоуправления. В то же время окончание советского проекта в 1991 году распадом советского государства вновь потребовало переориентации отечественной правовой доктрины с учетом поворота к рыночным институтам экономики и упразднения плановой системы хозяйствования. Это привело к тому, что развивавшиеся в XX веке научные школы были вынуждены адаптировать свои наработки к условиям новых веяний, что, безусловно, заслуживает самостоятельного исследования,

выходящего за рамки сформулированных применительно к настоящей работе цели и задач.

Отметим, однако, что если дореволюционный период российской государственности и сформировавшейся в ее контексте правовой доктрины был основан на заимствовании западноевропейских концепций, позволившем включить ее в общеевропейский правовой дискурс, то советская история требовала переориентации на критику и распространение альтернативного учения, непротиворечивого по своей сути, направленного на общемировое восприятие и внедрение. Большевистское, а затем советское государство вынуждены были формировать правовую доктрину путем противопоставления государства социалистического и государства эксплуататорского. Получила существенное развитие советская школа исторического материализма: научные дискуссии высокого уровня абстракции, обсуждение взаимоотношения базиса и надстройки, порядка дальнейшего развития надстроечных явлений (права, политики, культуры и т.д.) совместно с экономическим базисом определили содержание научного дискурса.

Ученые западной Европы и Северной Америки (в особенности США) рассматривали и систематизировали конкретные жизненные ситуации в своих исследованиях, выводя на основе конкретных казусов общие правила, что использовалось как в прецедентной, так и в континентальной правовой системе¹. Советская же юриспруденция была направлена на отказ от использования подобного казуистического метода и была устремлена в сторону преодоления рыночных устоев путем формирования общего абстрактного учения о государстве и праве. В этом аспекте наибольшее значение (в силу известных различий между рыночными и плановыми идеями в экономике) имеет концепция советского хозяйственного права, обосновываемая с применением методологии марксизма-ленинизма.

¹ См., напр.: Грехениг К., Гелтер М. Указ. соч.

Само по себе учение К. Маркса и Ф. Энгельса не содержало серьезного анализа права как механизма государственного управления, в связи с чем большевики были вынуждены направить существенные усилия на формирование цельной и непротиворечивой теории государства и права с учетом исходных позиций теории Маркса и Энгельса. Популярность марксизма, которую он обрел на фоне борьбы рабочего класса начиная со второй половины XIX века, связана с формированием нового технологического уклада, требующего для ускоренного общественного развития повсеместного использования человеческого труда на фабриках и заводах. В условиях отсутствия ограничителей, жизненно необходимых рабочим для поддержания хотя бы минимального уровня качества жизни, необходимого для выживания, во всем мире назрели протестные настроения. Вспыхнувшая в Российской империи в 1917 году социалистическая революция не только изменила положение рабочих на территории страны, но и бросила вызов общемирового масштаба, требовавший уменьшить уровень эксплуатации человека и установить систему гарантий прав трудящихся.

Привлекательность марксизма заключалась в пропаганде идеалов всеобщего равенства и счастья, что в условиях десакрализации монархии, не восстановившейся в общественном сознании после событий Великой французской революции, предполагала повышенный уровень диалога государства и общества в условиях стабильности. Притягательность идеи всеобщего равенства и ликвидации устаревших форм дискриминации по образовательному и имущественному положению быстро привела к ее массовой поддержке. Желание общества получать если не по потребностям, то хотя бы по труду, сформировало запрос на альтернативу мелкобуржуазным эксплуататорским ценностям, направленную на построение совершенного коммунистического общества.

К. Марк и особенно Ф. Энгельс уделяли существенное внимание вопросам философии права, т.е. построению внешнего контура правовой доктрины. Существенный отпечаток на учение марксизма, безусловно,

наложила немецкая классическая философия, апогеем которой стало учение Г.В.Ф. Гегеля. Однако вся социальная философия Маркса и Энгельса, в том числе философия права, базировалась на весьма ограниченной исторической основе – западноевропейской цивилизации. Вслед за Гегелем они не учитывали исторический опыт других народов, в том числе русского. Более того, эти народы объявлялись неисторическими, неспособными построить цивилизованное общество, находящимися в состоянии дикости и варварства¹.

В свою очередь, западноевропейская цивилизация представляет собой группу государств и народов, которые развивались в условиях господства католицизма. Это теологическое единство было не только идейным. Церковь обладала светской властью и выступала крупнейшим собственником земли. При этом духовенство первоначально было единственным образованным сословием. Закономерно, что церковная догма являлась основой всякого мышления, в том числе юридической мысли. Однако общественная система, возникшая в результате синтеза католицизма и феодализма, оказалась разрушена изнутри третьим сословием – бюргерством, ставшим основой нового класса – буржуазии. Новый класс выступил против крупных землевладельцев². Его не устраивала старая католическая идеология, обосновывавшая крупное землевладение. Первоначально, оставаясь в рамках христианства, бюргерство предприняло попытку реформировать его для своих нужд – возникли различные протестантские течения, основными из которых стали лютеранство и кальвинизм³. Однако капиталистические

¹ См., напр.: Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle – 2: Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels von Juli 1844 bis November 1847. Stuttgart: Dietz Nachf., 1902. 482 S.

² Интересно, что противостояние буржуазии феодалам (крупным собственникам земли) стало причиной и научной революции. На протяжении всего периода феодализма в европейских университетах преподавалась такая дисциплина, как камералистика, предметом которой было ведение феодального хозяйства. Теоретик капитализма, А. Смит, приступая к своему «Богатству народов», как раз преследовал цель обосновать порочность крупного землевладения. В результате на смену камералистике пришла политэкономия.

³ См., напр.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003. 211 с.

отношения не могли развиваться в рамках традиционной парадигмы, основанной на религии. Они требовали размежевания светского мировоззрения и религии, появления «чистой» идеологии. Результатом этого процесса стало появление либерализма¹. Право, окончательно отмежевавшись от религии, стало той силой, которая обеспечила либерализму возможность воздействовать не только на интеллектуальную сферу человека, но и его волю. Либеральное мировоззрение приобрело юридическую природу и стало мировоззрением буржуазии.

Однако преобразование бюргерского сословия в класс буржуазии обусловило возникновение нового класса – пролетариата – наемных работников, не имеющих прав на средства производства. Этот класс также нуждался в собственном мировоззрении, собственной идеологии, собственной системе ценностей, выражающих уже его интересы. Это место как раз и занял марксизм. Рабочий класс (пролетариат), который вследствие перехода от феодализма к капитализму был исключен из отношений собственности на средства производства, не нуждался в разработке полноценной правовой доктрины. Интересы раннего пролетариата как раз и выразил К. Маркс, который, опираясь на диалектический и исторический материализм, доказал, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей в конечном счете определяются экономическими условиями их жизни, способом производства и формой обмена. Тем самым было выдвинуто мировоззрение, соответствующее условиям жизни пролетариата, его исключенности из отношений собственности на средства производства, фактической незаинтересованности в действующем правопорядке. Как следствие, марксистская правовая доктрина, имея внешний контур, ответственный за определение роли и места права в общественной жизни, не приобрела внутреннего, который позволил бы обеспечить внутреннее развитие права.

¹ См., напр.: Туроу Л. Будущее капитализма. М., 1996. 402 с.

Не имея собственного внутреннего контура правовой доктрины, большевики в первые годы советской власти были вынуждены заимствовать его у других мировоззренческих систем. Российская юридическая наука, по существу, переняла основы хозяйственного права из западной юридической мысли в том виде, в котором они устанавливали повышенную степень вмешательства государства в частные отношения с целью формирования системы поддержки наиболее уязвимых слоев населения. Неспособность «невидимой руки рынка» установить систему социальных гарантий, обеспечивающих сохранение человеческого достоинства, в советское время привела к гипертрофированной концепции всеобщего планирования, направленного на стирание границ между частным и публичным путем ликвидации частной собственности. После отказа от политики НЭПа и системного раскулачивания остатков частного предпринимательства всеобъемлющее государственное планирование на первых этапах своего существования показало определенные результаты.

Концепция хозяйственного права имела внешнее сходство с марксистскими правовыми воззрениями. Так, К. Маркс в одной из своих работ писал: «...коммуна должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Вместо того чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю»¹. В.И. Ленин еще более определенно высказался в этом

¹ Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. М.: Политиздат, 1960. С. 327.

направлении: «...мы ничего „частного“ не признаем, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное...»¹.

Впервые сам термин «хозяйственное право», в контексте правового образования, содержащий в синтетическом варианте частно-публичные элементы, использовал Ю.В. Гедеман в опубликованной в 1910 году работе «Основные черты хозяйственного права»². В результате описанных событий была сломлена устоявшаяся национальная правовая система, из курсов юридических вузов были исключены ставшие к тому моменту системообразующими отраслями национального права гражданское, административное и финансовое право. В дальнейшем научному сообществу потребовался длительный путь, включающий три этапа и закончившийся только в 80-е годы прошлого века, чтобы осознать понятие права и сформировать систему советского права.

Здесь следует остановиться на том, что для К. Маркса и его российских последователей первого послереволюционного поколения главное во внутреннем контуре правовой доктрины – не какая-то определенная концепция или идея. Марксизм основывается на внешней по отношению к правовой доктрине идее, каковой является идея диктатуры пролетариата, т.е. власти последнего, по ленинским же словам, не ограниченной законом. Такая власть, не ограниченная законом (диктатура пролетариата), – это и есть право во имя торжества коммунизма идти на любые шаги, на любые акции, что фактически нивелирует правопорядок.

В Заключительном слове по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января 1918 г. на Третьем Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов В.И. Ленин указывал на то, что: «...демократия есть одна из форм буржуазного государства, за которую стоят

¹ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики: письмо Д.И. Курскому // Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Госполитиздат, 1964. С. 389.

² Гедеман Ю.В. Основные черты хозяйственного права: Трансформация понятия собственности. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. 30 с.

все изменники истинного социализма, оказавшиеся ныне во главе официального социализма и утверждающие, что демократия противоречит диктатуре пролетариата. Пока революция не выходила из рамок буржуазного строя, – мы стояли за демократию, но, как только первые проблески социализма мы увидели во всем ходе революции, – мы стали на позиции, твердо и решительно отстаивающие диктатуру пролетариата»¹.

В дальнейшем, развивая эту идею, В.И. Ленин писал: «Мы, конечно, не против насилия; мы над теми, кто относится отрицательно к диктатуре пролетариата, смеемся и говорим, что это глупые люди, не могущие понять, что должна быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии. Кто говорит иначе — либо идиот, либо политически настолько неграмотен, что его не только на трибуну, но и просто на собрание пускать стыдно»².

Эту же идею В.И. Ленин отстаивал в Докладе о внешнем и внутреннем положении Советской республики на Чрезвычайном заседании пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов в апреле 1919 года: «... либо диктатура буржуазии, либо власть и полная диктатура рабочего класса, нигде середина не могла ничего дать, и нигде из нее ничего не выходило»³. (С. 253).

И наконец, в работе «О диктатуре пролетариата» В.И. Ленин прямо признавал, что «1. Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы (ср. Марх 1852). Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата, в н о в ы х формах. В этом гвоздь, этого не понимают.

¹ Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января 1918 года на Третьем Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1964. С. 280.

² Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти // Полное собрание сочинений. Т. 38. М.: Госполитиздат, 1964. С. 56.

³ Ленин В.И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики на Чрезвычайном заседании пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 года // Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 253.

Пролетариат, как о с о б ы й класс, один продолжает вести свою классовую борьбу. 2. Государство лишь о р у д и е пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка»¹. Для В.И. Ленина правопорядка нет, есть «особая дубинка».

Аналогична позиция и других сторонников марксизма этого времени. Так, известный деятель октябрьской революции М. Лацис говорил: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора»².

Отсутствие в большевистской правовой доктрине внутреннего контура обусловило необходимость его заимствования, результатом которого и стало принятие хозяйственного права. Оно укоренилось в советской юридической литературе в период 20–30-х годов XX века. Однако уже 1938 году на Первом совещании научных работников³ был поставлен вопрос о преодолении негативного влияния данной концепции на советскую юриспруденцию и формировании единого представления о понятии и системе советского права. Активная дискуссия продлилась до 1941 года. Ее основным итогом было единодушное признание того, что решающее значение среди объективных критериев, определяющих содержание советского права и его деление на отдельные отрасли, имеет предмет правового регулирования, т.е. регулируемые правом общественные отношения. Этот вывод вошел в историю советского правоведения как «примат предмета над методом»⁴.

¹ Ленин В.И. О диктатуре пролетариата // Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1964. С. 261–262.

² Лацис М. Красный террор // Красный террор. 1918. 1 нояб.

³ См.: Основные задачи науки советского социалистического права: материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 года.

⁴ См.: Аржанов М. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 19.

Однако само понятие предмета правового регулирования не было подвергнуто углубленному исследованию, и предложенные фактически в директивном порядке понятие и система советского социалистического права¹ не были достаточно аргументированы. Как следствие, теоретическая модель не отображала все его (советского права) многообразие. Целью же юридической науки в последующие годы стало некритическое обоснование «предложенного партией и правительством» отраслевого деления советского права².

Все-таки результаты данной дискуссии должны быть оценены более чем положительно. Была восстановлена отечественная традиция понимания права и его системы, сложившаяся в результате напряженного труда юристов дореволюционного периода: М.Ф. Владимирского-Буданова³, С.А. Муромцева⁴, Л.И. Петражицкого⁵, Е.Н. Трубецкого⁶, Г.Ф. Шершеневича⁷ и др. В рамках высшего юридического образования начиная с 1938 года были возвращены курсы гражданского и административного, а немного позднее – финансового права. И главное, был заложен фундамент советской правовой доктрины, внешним контуром которой стал марксистско-ленинский диалектический и исторический материализм, а внутренним – юридический позитивизм. Завершилась научная дискуссия, продлившаяся весь XIX век и давшая отечественному юридическому дискурсу все то методологическое разнообразие, которое

¹ См., напр.: Система советского социалистического права. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 8–12, 27–31; Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 16–19, 39, 41, 53 – 55.

² См., напр.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 349; Павлов И.В. О системе советского социалистического права: тезисы доклада. М., 1958. С. 5; Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 57. и др.

³ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 601 с.

⁴ См.: Муромцев С.А. Определение и основное разделение права.

⁵ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб.: Слово, 1909, 1910. 409 - 486 с.

⁶ См.: Трубецкой Е.Н. Указ. соч.

⁷ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. 507 - 471 с.

ставит его в один ряд с ведущими правовыми школами мира. Ее завершение ознаменовало окончательный отказ от традиционной парадигмы в пользу парадигмы модерна.

Значение первого этапа формирования советской правовой доктрины не может быть раскрыто в полном объеме без учета ряда внешних факторов, которые явились результатом деятельности советской власти. К числу таких факторов представляется обоснованным отнести (1) построение государственно-монополистической модели социально-экономического развития (административно-командной системы хозяйствования), выразившееся в последовательном установлении государственной банковской монополии¹, государственной страховой монополии², государственной внешнеторговой монополии³, государственной валютной монополии⁴, а также введение государственного планирования социально-

¹ Одним из первых декретов советской власти стал Декрет ВЦИК от 27 декабря 1917 г. (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 17. Д. 22. Л. 25), в котором все банковские учреждения были национализированы, а банковское дело объявлено государственной монополией.

² Первоначально Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 марта 1918 г. «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» (Собрание Указаний РСФСР. 1918. № 30. Ст. 397) была существенно ограничена деятельность акционерных страховых обществ, а земское и взаимное страхование были переданы в ведение советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также совнархозов. В дальнейшем 28 ноября 1918 г. был принят Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об организации страхового дела в Российской республике» (Собрание Указаний РСФСР. 1918. № 86. Ст. 904), в соответствии с которым страхование объявлялось государственной монополией, а всё имущество и капиталы, принадлежавшие частным компаниям, национализировались.

³ Государственная внешнеторговая монополия была установлена Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли» (Собрание Указаний РСФСР. 1918. № 33. Ст. 432).

⁴ Установление государственной валютной монополии неразрывно связано с ликвидацией внутреннего валютного рынка на рубеже 20–30-х годов прошлого века и введением запрета на свободное хождение и хранение валюты. Свою наиболее полную регламентацию такая монополия получила в постановлениях ВЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 января 1937 г. «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте» (Собрание Указаний РСФСР. 1937. № 1. Ст. 3), от 20 марта 1937 г. «Об изменении законодательства РСФСР в связи с изданием постановления ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 января 1937 г. «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте» (Собрание Указаний РСФСР. 1937. № 4. Ст. 19). Следует отметить, что безусловного запрета для частных лиц на совершение валютных операций в СССР никогда не существовало. Такие операции могли совершать только банки. Таким образом,

экономического развития¹; (2) устойчивую тенденцию использования неправовых форм государственных репрессий². В результате действия этих факторов советская правовая доктрина приобрела исключительное своеобразие, превратившись в замкнутую информационную систему и утратив существовавшее в дореволюционный период взаимодействие с европейским юридическим дискурсом.

В рамках второго этапа формирования советской правовой доктрины во второй половине 50-х годов прошлого века был поставлен под сомнение «примат предмета над методом». При этом различные исследователи отмечали, что «...материалистическое понимание права... заключается в том, что систему права необходимо рассматривать как явление объективного мира в том смысле, что система права складывается не по произвольному усмотрению людей, а предопределяется характером тех общественных отношений, которые эту систему обусловили и к регулированию которых, в свою очередь, призваны ее нормы...»³; «...в основе фактического деления

юридически государственная валютная монополия была опосредована через государственную банковскую монополию.

¹ Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР был принят на период с 1 октября 1928 г. до 1 октября 1933 г. Впервые о нем было заявлено на XVI конференции ВКП(б) (см.: 16-я конференция ВКП(б): стенографический отчет. М.–Л.: Госполитиздат, 1929. С. 51–56), а его утверждение состоялось на V Съезде Советов СССР в мае 1929 года (см.: Постановление V Съезда Советов Союза ССР от 28 мая 1929 г. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1929. Отд. 1. № 35. Ст. 311).

² В истории советского периода до Великой Отечественной войны следует выделить следующие этапы массовых политических репрессий: 1) революция 1917 года и Гражданская война; 2) коллективизация и «дело Промпартии»; 3) политические репрессии 1937–1938 годов. Последние два этапа неразрывно связаны с именем главного идеолога советской правовой доктрины на рассматриваемом этапе ее формирования – А.Я. Вышинского, который с 1931 года последовательно занимал должности Прокурора РСФСР, Заместителя Прокурора СССР и Прокурора СССР. В его жизни есть еще один примечательный момент. Главный идеолог советской правовой доктрины не был изначально членом РСДРП(б)/ВКП(б). В 1903 году он примкнул к меньшевистской фракции РСДРП. Это подтверждает, что у большевиков в момент прихода к власти не только не было собственного представления о внутреннем контуре правовой доктрины, но даже не было людей, заинтересованных в его разработке.

³ Павлов И.В. О системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 11. С. 5–6.

законодательства на отрасли лежит не надуманная схема, а объективно существующая система, отражающая реальные факты, реальное соотношение норм, отвечающая, в свою очередь, реальной дифференциации общественных отношений, которые эти нормы регулируют...»¹; «под отраслью советского права следует понимать совокупность норм, регулирующих соответствующую однородную группу общественных отношений, которые базируются на определенных свойственных этим отношениям принципах и имеют характерные для них методы регулирования»². Примечательной в этом отношении является полемика в рамках межвузовского совещания, посвященного вопросам юридической доктрины³, которая привела к соглашению в ученой среде в отношении необходимости включения в систему советского права учения о методологии юридической науки и методологии права.

Однако научная дискуссия, в рамках которой формировалась советская правовая доктрина, не прекратилась. Главным образом она отражалась в полемике между «цивилистами» и представителями нового учения хозяйственного права, хотя можно также отметить, что зачастую эти концепции развивались независимо друг от друга и существовали параллельно. В работе О.С. Иоффе «Критика теории «хозяйственного права»⁴ подробно изложены основные тезисы представителей обоих направлений. Сам О.С. Иоффе, зачастую в литературе представленный в качестве лидера цивилистического направления исследований, не преследовал цели критического переосмысления взглядов какого-либо из описываемых им учений. Однако энциклопедический характер его изложения, в рамках которого детально отражены доводы каждой стороны,

¹ Цит. по: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 712.

² Павлов И.В. О системе советского социалистического права: тезисы доклада. С. 7.

³ См.: Социалистическая законность и задачи советской юридической науки: тезисы межвуз. науч. совещания (март 1957 года). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 43 с.

⁴ Иоффе О.С. Критика теории «хозяйственного права»: правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 696–741.

позволяет в достаточно полной мере сформировать представления как о сопоставимых, так и о противоположных основаниях обоих учений.

Завершающий этап формирования советской правовой доктрины был связан с принятием и вступлением в силу Конституции Союза ССР от 7 октября 1977 г.¹ Интерес представляют ее ст. 6 и 16. Первая из них установила фундамент политического устройства СССР, закрепив в качестве руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций Коммунистическую партию Советского Союза. Законодатель пошел далее, установив, что марксистско-ленинское учение является единственно верной научной парадигмой общественного развития. В ст. 16 Конституции СССР свою окончательную конституционную регламентацию приобрела административно-командная система хозяйствования: «...экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны. <...> Руководство экономикой осуществляется на основе государственных планов экономического и социального развития, с учетом отраслевого и территориального принципов, при сочетании централизованного управления с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий, объединений и других организаций. При этом активно используются хозяйственный расчет, прибыль, себестоимость, другие экономические рычаги и стимулы».

Третий этап, как и два предыдущих, выразился в публичной дискуссии, состоявшейся в 1982 году². На ней были также подняты только общие вопросы, например, о комплексных правовых образованиях и о соотношении

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 года // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

² См.: Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1982. № 6. С. 3–18.

права и законодательства, но в целом подходы к пониманию самого права и его системы остались неизменными.

Интересно, что изменение советской правовой доктрины неразрывно связано с изменением политической доктрины ВКП(б)/КПСС. Если изначально последняя (политическая доктрина) была выражена диктатурой пролетариата, то в дальнейшем она трансформировалась в идею «общенародного государства», был сделан акцент на приоритете парламентских методов реализации государственной власти и осуществления государственного управления, а также на уважении к праву и закону. В связи с этим В.Н. Кудрявцев писал: «Теоретической предпосылкой многих из этих идей явилась последовательная критика догматически коммунистической трактовки права как возведенной в закон воли господствующего класса; критика эта активно развивалась еще в 70-е годы. Тогда были подвергнуты сомнению все четыре элемента упомянутого определения (определение права): господство одного класса над другими в современном обществе; чисто государственное происхождение права, в том числе прав человека; полное совпадение права и закона; верховенство государства над правом... Критика эта не была случайной, она выражала демократические настроения гуманитарной интеллигенции, в том числе юристов, направленные против беззаконий и произвола, которые по существу обосновывались приведенной выше формулой. В 70-е годы уже формировалась идея правового государства, и нужно было найти новое определение права, которое утверждало бы законность и права человека, меняло привычное для многих соотношение права и государства в пользу первого. На этой основе возникли и получили развитие представления о так называемом широком понимании права, а также о различении права и закона»¹.

¹ Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 18.

В научную дискуссию, в рамках которой формировалась советская правовая доктрина, были вовлечены ведущие отечественные ученые: академики А.В. Венедиктов, А.Я. Вышинский, В.Н. Кудрявцев и др. Огромный вклад был внесен С.С. Алексеевым, О.С. Иоффе, Д.А. Керимовым, Ю.К. Толстым, Р.О. Халфиной и др. При этом в ее основе оказалось противостояние сторонников концепции хозяйственного права и ее противников. По этой причине в течение всего советского периода перечисленные ученые, известные авторитеты в своих областях, так и не пришли к завершенной концепции регулирования хозяйственной деятельности. По авторскому мнению, результаты данного противостояния, достигнутый консенсус во многом влияют на формирование и современной национальной правовой доктрины России.

Вместе с тем благодаря высокому уровню публикационной активности множества видных авторов по рассматриваемой проблематике необходимость поиска новых аргументов в процессе обоснования главных идей хозяйственного права привела его сторонников к необходимости противопоставления хозяйственного права не только праву гражданскому, но и публичному. По этой причине с учетом проводимой в стране антибуржуазной политики в начале 30-х годов XX века было принято решение прекратить преподавание в юридических вузах таких традиционных публично-правовых научных дисциплин, как административное и финансовое право. Ввиду признания преобладающего значения хозяйственно-правового направления исследований общественных отношений административно-правовая и финансово-правовая наука в течение десятилетие не развивалась с достаточной скоростью. Это привело к чрезмерному приданию публичного характера хозяйственному праву и в конечном итоге к исключению из предмета исследований самого гражданского права, на слияние с которым изначально и были направлены устремления советских правоведов.

Завершая рассмотрение советской правовой доктрины, представляется целесообразным подчеркнуть, что история ее становления и развития – это история преодоления научным сообществом двух концепций, шедших вразрез с национальной правовой традицией: 1) концепция диктатуры пролетариата и классового государства; 2) концепция хозяйственного права. Первая из них имела очевидную политическую природу, однако оказывала фундаментальное влияние на формирование правопорядка в СССР. Вторая была правовой по своей природе, но возникла за рубежом и была некритично заимствована отдельными представителями советской юриспруденции и государственной власти.

Одновременно шло преодоление того радикального юридического позитивизма, который стал господствующим в отечественной юриспруденции начиная с конца 30-х годов прошлого века. Если А.Я. Вышинский на Первом совещании научных работников в 1938 году заявлял, что право есть «...совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»¹, то в 1970-е – 1980-е годы понятие права значительно расширилось.

Так, О.Э. Лейст говорил о трех основных концепциях права: нормативной, социологической и нравственной. Нормативная концепция предполагает, что право есть содержащаяся в текстах законов и подзаконных актов система норм, установленных и охраняемых от нарушений государственной властью. Социологическая концепция права исходит из его понимания как порядка общественных отношений в действиях и поведении

¹ Основные задачи науки советского социалистического права: материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 года. С. 74. См. также: Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 8–11, 16–19, 27–28, 39, 41, 50–52.

людей. В рамках этой концепции акцент в правопонимании переносится с содержания юридических норм как модели поведения на практику их действия, их практическую реализацию, собственно поведение. С позиций нравственности право предстает как форма общественного сознания: закон остается на бумаге, если он не вошел в сознание людей и не усвоен ими. Закон не может воздействовать на общество иначе как через сознание. Поэтому право – не тексты закона, а содержащаяся в общественном сознании система ценностей¹.

Развитие советского правоведения в этом направлении уже в наши дни фактически породило новое автономное научное направление – социологию права. Этому как раз способствовали многочисленные публикации советских юристов: С.В. Боботова², А.А. Герцензона³, В.П. Казимирчука⁴, М.Э. Казмера⁵, Д.А. Керимова⁶, В. Кнаппа⁷, В.П. Кудрявцева⁸, В.В. Лапаевой⁹, В.С. Нерсисянца¹⁰, В.Н. Протасова¹¹, Л.И. Спиридонова¹², В.А. Туманова¹³, Л.С. Явича¹⁴ и др. Советские ученые активно переводили на

¹ См.: Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. 288 с.

² См.: Боботов С.В. Буржуазная социология права. М.: Юрид. лит., 1978. 181 с.

³ См.: Герцензон А.А. Уголовное право и социология. Уголовное право и социология. (Проблемы уголовного права и уголовной политики). М.: Юрид. лит., 1970. 203 с.

⁴ См.: Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М.: Юрид. лит., 1965. 188 с.

⁵ См.: Казмер М.Э. Социологическое направление в русской дореволюционной мысли. Рига: Зинатне, 1983. 234 с.

⁶ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. 271 с.

⁷ См.: Кнапп В. О возможности использования кибернетических методов в праве. М.: Прогресс, 1965. 193 с.

⁸ См.: Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М.: Наука, 1976. 186 с.; Он же. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 197 с.; Он же. Социальные отклонения. М.: Юрид. лит., 1990. 156 с.

⁹ См.: Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве. М.: Юрид. лит., 1987. 164 с.

¹⁰ См.: Нерсисянец В.С. Право и закон. М.: Наука, 1989. 401 с.

¹¹ См.: Протасов В.Н. Правоотношение как система. М.: Юрид. лит., 1991. 132 с.

¹² См.: Спиридонов Л.И. Социология преступления. М.: Акад. МВД СССР, 1978. 211 с.

¹³ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. М.: Наука, 1971. 322 с.

¹⁴ См.: Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 341 с.; Он же. Право и социализм. М.: Юрид. лит., 1982. 191 с.; Он же. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической нормы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 197 с.

русский язык работы зарубежных исследователей в целях преодоления той самоизоляции, которая обозначилась в развитии советской юридической мысли (например, Ж. Карбонье¹, К. Кульчара², А. Подгурецкого³ и др.). Однако этот процесс завершился только в наши дни, после того как в 1995 году В.П. Казимирчуком и В.Н. Кудрявцевым был опубликован первый отечественный учебник по социологии права⁴.

Применительно к советской юридической науке справедливыми представляются замечания В.В. Лазарева (правда, сделанные в отношении современной юриспруденции), который выделяет три группы исследователей: 1) прислужники власть имущим; 2) искатели чистой истины; 3) социальные алхимики (удел которых – словоблудие, оторванное от жизни)⁵.

§ 2.3. Современный этап формирования национальной правовой доктрины Российской Федерации

Из предыдущих параграфов явно вытекает, что условием формирования отечественной правовой доктрины является конкуренция различных научных школ, дискурс. Обмен мнениями между учеными должен быть не пустым, а содержать анализ фактов, что отличает научную полемику от бытовой. Поэтому особое внимание в рамках исследования правовой доктрины следует уделять критике выработанных взглядов, принципов, презумпций, аксиом, с опорой на эмпирические данные, их опровергающие.

¹ См.: Карбонье Ж. Юридическая социология / пер с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1986. 402 с.

² См.: Кульчар К. Основы социологии права. М.: Прогресс, 1981. 278 с.

³ См.: Подгурецкий А. Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974. 216 с.

⁴ См.: Казимирчук В.Н., Кудрявцев В.П. Современная социология права. М.: Юрист, 1995. 471 с.

⁵ См.: Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика). С. 181–191.

Затрудняет анализ правовой доктрины как научного знания размытость или даже отсутствие конвенциональности. Уже это обстоятельство делает понятие доктрины неоднозначным и дискуссионным.

Однако рассмотренный выше материал применительно к анализу споров виднейших ученых (как очных, так и заочных) в дореволюционный и советский периоды позволяет утверждать, что правопорядок существует в рамках противоборства разных правовых концепций, имеющих под собой различные основания. Каждая из концепций претендует на правообразующее и регулирующее значение, и ее установление в качестве господствующей предполагает отказ от иных. Особенно наглядно это прослеживается в рамках состоявшихся революционных изменений подходов к государству и праву по результатам прихода к власти большевиков.

Дореволюционный юридический дискурс предполагал противостояние консерваторов и модернистов, и каждый из исследователей обращался к историческим особенностям формирования отечественного правопорядка. Каждая из указанных концепций основывалась на расходящихся посылах, в связи с чем не предполагала окончательного примирения и синтеза в универсальный подход, удовлетворяющий каждого. Борьба между реформаторами и контрреформаторами в конечном итоге стала одной из причин напряжения социальных сил и последовавших революционных событий.

Сама по себе идеологическая основа большевистского, а затем и советского государства требовала заполнения доктриной идеологического вакуума. Такое заполнение должно было быть завершенным, научно обоснованным, и потребовало немалых усилий для воплощения в жизнь. Однако идеологические споры хотя и велись, но по вопросам частного характера. Основная же дискуссия – между либеральными и консервативными движениями, левыми и правыми политическими течениями – в основе своей была прекращена. На первоначальных этапах существования советского государства (за исключением, с определенными в

предыдущем параграфе настоящей работы оговорками, периода внутрипартийной борьбы и споров по поводу НЭПа) подобное положение дел способствовало активизации движения народных масс и ускорило построение советского государства.

Вместе с тем отсутствие идеологического плюрализма и замкнутость советской власти рамками одной господствующей доктрины (примата экономики над правом, отрицания государства, эксплуататорского характера рыночной экономики и т.д.) требовали от лидеров государства оставаться в границах названной идеологии, определяющей структуру правопорядка. Зарождение же новых общественных отношений, не вписывающихся в такой правопорядок, необходимо было объявлять зловердным.

Как видно, учет дореволюционного и советского опыта демонстрирует, что непримиримая идеологическая борьба кроет в себе опасности не меньшие, чем запрет идеологического многообразия. Правовая доктрина, претендующая на формирование правопорядка, должна существовать в условиях конструктивного дискурса, принимать во внимание общемировые тенденции правовой мысли, критиковать и учитывать критику зарубежных исследователей и их отечественных последователей, отстаивать свои самобытные позиции и придавать им универсальный характер.

Таким образом, современный правовой дискурс можно выразить в понятиях модерна, требующих достижения результата наиболее эффективным способом, без строгих идеологических рамок, но в пределах господствующей научной парадигмы, которой на сегодняшний день является либеральная правовая доктрина, послужившая основой отечественной Конституции 1993 года.

Фундамент либерального мировоззрения, как было отмечено выше, заложен в трудах Дж. Локка¹, Ш. Монтескье², Ж.Ж. Руссо³, А. Смита⁴, Дж. Милля⁵ и Д. Рикардо⁶. В политико-правовой сфере основополагающие идеи и принципы либерализма нашли свое отражение и юридическое закрепление в Декларации прав человека и гражданина 1789 года⁷ и Конституции Франции 1791 года⁸. В основе либерального мировоззрения лежит идея о приоритете личности перед обществом, но в пределах разумности и добросовестности.

Основополагающими принципами либерализма выступают:

- 1) индивидуальная свобода;
- 2) уважение и соблюдение прав человека;
- 3) частная собственность и свобода предпринимательства;
- 4) приоритет равенства возможностей перед социальным равенством;
- 5) юридическое равенство граждан;
- 6) отделение государства от гражданского общества и договорная природа государства;
- 7) разделение властей, выборность власти и демократия;
- 8) невмешательство государства в частную жизнь.

В связи с этим интересна позиция одного из отцов немецкого либерализма В. фон Гумбольдта, считавшего государство сложной

¹ См., напр.: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135 – 406.

² См., напр.: Монтескье Ш.Л. О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 805 с.

³ См., напр.: Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. 416 с.

⁴ См., напр.: Смит А. Указ. соч.

⁵ См., напр.: Милль Дж.Ст. Основания политической экономии с некоторыми применениями общественной философии. Киев – Харьков: Юж.-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1896. 866 с.

⁶ См., например: Рикардо Д. Указ. соч.

⁷ См.: Декларации прав человека и гражданина 1789 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989. С. 12–14.

⁸ См.: Конституции Франции 1791 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. С. 14–22.

многогранной машиной, отличной от общества, которое является по отношению к этой машине другой реальностью¹.

Две мировые войны первой половины прошлого века обусловили возобновление научной дискуссии и теоретических поисков в либеральном контексте, в результате чего были пересмотрены отдельные базовые принципы классического либерализма и выработана обновленная концепция – социального либерализма (неолиберализма). В ее рамках либеральное мировоззрение было дополнено такими принципами, как 1) достижение договоренности между управляющими и управляемыми; 2) политическая справедливость, предполагающая предоставление возможности участия народных масс в процессе принятия политических решений; 3) снижение уровня вовлеченности государства в регулирование экономической и социальной сфер; (4) государственная антимонопольная политика, направленная на развитие конкуренции; (5) предоставление социальных гарантий, которые соответствуют экономическому развитию государства (права на труд, на образование, на пособие в старости и др.).

Для неолибералов общество проявлялось как спонтанный порядок, выражающийся в первую очередь институтах рыночной экономики. В этом отношении первопричиной развития общественных отношений неолиберализм устанавливает соответствие общественных норм и институтов объективным законам экономического развития в условиях свободного рынка. Подобный порядок возникает в рамках эволюционного процесса общественного развития, благодаря достижению целей экономического роста и справедливого распределения ресурсов. В системе экономических отношений приоритет имеет саморегулирование и спонтанность развития, что, с неолиберальной точки зрения, должно быть свойственно и праву².

¹ См.: Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 71.

² См., напр.: Хайек Ф.А., фон. Дорога к рабству. М.: Астрель, 2005. С. 32, 56–58.

Неотделима от неолиберализма и идея индивидуализма. При этом неолибералы разделяют индивидуализм истинный и ложный, разделительная черта между ними проходит в вопросе о природе основополагающих общественных институтов: являются ли они непредвиденным результатом взаимодействия множества людей или продуктом чьего-то сознательного замысла, возникают спонтанно или создаются в соответствии с заранее разработанным планом. Первые полагают, что свобода индивида не только не противоречит возникновению порядка, но и сама является его источником. Вторые исходят из того, что порядок дается сверху, он сознательно конструируется властью¹. Вместе с тем культивирование таких идей в конечном счете может привести к дискредитации идей коллективизма и общественного блага как первоисточника социального благополучия. Права человека вне связи с обязанностями (в интересах общества) дезорганизуют общественное сознание, создают условия для социальных конфликтов и противоречий, потворствуют неравенству и формируют нигилистическое отношение к чужим правам. Установление исключительно «контрактных» связей между гражданином и государством способно размыть глубоко укоренившиеся у каждого человека институты брака и семьи, религиозной, этнической и даже половой идентичности (идентичности через отнесение себя к определенной группе и через труд в интересах группы). Интересно, что указанные обстоятельства акцентируются в работах исследователей, которые в целом не отходят от неолиберальной традиции².

Необходимо обратить внимание на то, что, если изначально либерализм возник как антитеза традиционной парадигмы, обосновывая капиталистический способ производства и стремление буржуазии ограничить влияние крупных землевладельцев, то неолиберализм развивался

¹ См.: Хайек Ф.А., фон. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 13–14.

² См., напр.: Posner R.A. The Crisis of Capitalist Democracy. Cambridge, Mass., and London, England: Harvard University Press, 2010.

в дискуссии с другим направлением парадигмы модерна – социализмом, в первую очередь марксистской его составляющей. Так, Л. фон Мизес утверждает, что социализм – это «уничтожение экономической рациональности», «система запланированного хаоса». Подобный порядок, по мнению автора, ведет к утрате связи с реальностью, к отсутствию надлежащей оценки действительной хозяйственной стоимости благ, к отсутствию инициативы хозяйствующих субъектов. В конечном итоге автор полагает, что плановая экономика не преследует целей внедрения инноваций и экономического роста. Нерыночные механизмы экономической политики снижают эффективность от получаемого прибавочного продукта, потворствуя расточительству и безучастности. Не знающий основ предпринимательской деятельности человек трудится не в интересах результата, а в интересах исполнения указаний руководящих директив. Всё это ведет к хаосу, беспорядку и формированию теневой экономики¹. Подобного рода взгляды устанавливают взаимосвязь между экономической деятельностью человека и его рациональным началом, определяют право собственности как неотъемлемое, естественное право каждого, к защите которого у человека имеется душевный порыв, как и к удовлетворению иных важнейших жизненных потребностей.

Отдельные идеи либерализма и неолиберализма нашли широкое распространение в трудах ведущих отечественных юристов переходного периода, когда на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века осуществлялся переход от социализма к капитализму, от государственно-монополистической экономики к рыночной². Наибольшее влияние они

¹ См.: Мизес Л., фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 21, 56, 122–124.

² См., напр.: Алексеев С.С. Государство и право: начальный курс. М.: Юрид. лит., 1994. 192 с.; Он же. Общая теория права. М.: БЕК, 1995. 256 с.; Он же. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования; Он же. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. 704 с.; Он же. Философия права. М.: Норма, 1998.

оказали на доктрину, которая легла в основание действующей Конституции РФ, в результате чего весь современный национальный правовой порядок Российской Федерации может быть охарактеризован как либеральный. Интересно, что некоторые из указанных ученых в своих последних исследованиях начали отступать от либерального мировоззрения; в этих работах проявились отдельные традиционные принципы¹.

В отличие от либерализма и неолиберализма этатизм не отличается концептуальным единством. Различия между теориями и концепциями, образующими его, во многом зависят от исторической и географической локализации их возникновения. Основывается этатизм на предположении о всеобъемлющей роли государства в регулировании или дерегулировании общественных отношений, в оценке проявлений решений органов государственной власти и должностных лиц в контексте государственно-общественного устройства на определенной стадии исторического развития.

В рамках традиционного общества, например, складывался классический этатизм, предполагающий монистический подход в отношениях власти и подчинения. Этот подход требует в том числе отрицания субъектности общества в рамках отношений, складывающихся в процессе государственного управления, поскольку тип мировоззрения, свойственный традиционному обществу, устанавливает систему ценностей, в которой государство является единственной доминантой общественной жизни, представляющей ценность *per se*.

Однако такой системы «государство – общество – индивид» никогда не существовало и существовать не могло. Всегда устанавливался баланс, разумное равновесие между общим благом и благом конкретным, интересами общества и интересами отдельной личности. Но следует подчеркнуть, что на

332 с.; Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 12–21; Нерсесянц В.С. Право и закон; и др.

¹ См., напр.: Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблема права в современную эпоху. М.: Норма; Инфра-М, 2015. 448 с.

ранних этапах развития научной мысли этот баланс не принимается во внимание. Это не значит, что его нет или что он неизвестен исследователю. Здесь дело в несформированности научного аппарата для его описания. Примером такой ситуации может служить историко-юридическая школа, существовавшая в дореволюционной России¹.

С момента утверждения современной концепции национального государства, которое рассматривается в качестве правового и социального², можно утверждать о возникновении качественно-нового этапа развития концепции этатизма, которая утверждает более глубокие и многосторонние

¹ См., напр.: Сергеевич В.И. Древности русского права; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права; Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность. С. 28–106; и др.

² Родиной концепции правового государства справедливо считается Германия. Ее зарождение связано с творческим наследием немецкого философа Г.Ф.В. Гегеля и одним из основных его трудов «Философия права» (см.: Гегель Г.Ф.В. Философия права. М.: Мысль, 1990. 523 с.). Идея социального государства, как правило, связывается с Британией и дискурсом социалистического толка. Однако это ошибочная точка зрения. В этом вопросе также приоритет следует отдать Германии, а авторство О. фон Бисмарку, который в 1880 году, аргументируя принятие закона о социальном страховании, отмечал, что «...наделение огромных масс неимущих правом на пенсии сделает из них, таким образом, добропорядочных консерваторов. <...> Человек с пенсией разительно отличается от своего собрата без оной. <...> Им куда легче управлять. <...> Каждый, кто поддержит эту политику, будет обласкан властью» (цит. по: Gall L. Bismarck: The White Revolutionary. Vol. II: 1879–1898 / trans. J.A. Underwood. London: Routledge, 1986. P. 129). Социальное государство стало решением задач, которые во второй половине XIX века стояли перед возникшей Германской империей, и только несколько десятилетий спустя получило научное осознание.

Интересно, что в теоретическое обоснование социального государства на первоначальном этапе серьезный вклад внесли российские исследователи (см., напр.: Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882–1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. 311 с.; Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. 372 с.; Безобразов В.П. Наблюдения и соображения В.П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1888. 191 с.; Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб.: Правда, 1909. 202 с.; Литвинов-Фалинский В. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1904. 199 с.; и др.).

В прошлом веке социальное государство развивалось, в первую очередь в области пенсионного обеспечения. В Великобритании, Японии, Чили были проведены соответствующие реформы. В Российской Федерации последние полтора десятилетия предпринимаются попытки внедрения именно чилийской модели социального страхования.

направления вмешательства государства в общественную жизнь: в экономику, культуру, социальную среду и другие области взаимодействия, представляющие интерес для государства. Исходя из этого государственная власть должна быть обусловлена общественными отношениями и реализовывать общесоциальные функции государства. В таком понимании государство существует не ради самого себя, а ради обеспечения и защиты общества, т.е. интересы государства соответствуют общественным интересам.

По существу, либерализм и этатизм базируются на общих предпосылках и не являются непримиримыми.

В отличие от государственной концепции К. Маркса и Ф. Энгельса этатизм предполагает существование государства как составляющей общественного бытия. Более того, государство является условием защиты и реализации прав и законных интересов, инструментом обеспечения достоинства личности и экономического развития¹. Признание прав и свобод требует с либеральных позиций также развития учения о социальной солидарности в рамках реализации государственных функций, поскольку назначением государства является разграничение общественных и частных интересов, что невозможно без вмешательства государства в частные дела, в том числе путем накладывания ограничений на пределы осуществления правомочий собственника. Оно (государство) признается инструментом обеспечения интересов личности и общества. Применительно к правовой системе государство как аппарат принуждения составляет институциональную основу правопорядка. В этом качестве государство – это действенный инструмент в руках общества на пути достижения всеобщего блага. Ему принадлежит роль механизма (аппарата), обеспечивающего устойчивость и стабильность общества, а равно его поступательное развитие.

¹ См., напр.: Мизес Л. фон. Либерализм. С. 11; Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 238; и др.

В связи с этим отечественные исследователи отмечают: «...в рамках этатизма различается демократический вариант государственного интервенционизма, который воплощен в теории и практике „государства всеобщего благоденствия“ или социального правового государства. Это такой вариант этатизма, при котором параметры и пределы государственного вмешательства, особенно в экономику, определяются потребностями гражданского общества, точнее, большинством субъектов гражданского общества...»¹.

Усложнение экономической действительности, расширение и углубление сферы разделения труда влекут изменение роли и места государства. Оно уже не рассматривается, как это было в классическом либерализме, исключительно в качестве институциональной основы правопорядка. Недостаточно и видение неолиберализма, который признавал и обосновывал в государстве социальную составляющую. «Как показал Э. Дюркгейм, – пишет Т. Парсонс, – высокоразвитая экономика свободного предпринимательства, если сравнивать ее с более примитивными формами экономической организации, нуждается в более сильной, а не в более ограниченной государственной структуре. Универсалистская правовая система, центральный компонент любого индустриального общества, не может существовать без сильного государства. К тому же самой экономике, как и другим составляющим общества, требуются все более сложные регулирующие функции, например для контроля за циклическими кризисами, какие сотрясали экономику ранних промышленных обществ»².

К схожим выводам приходят и отечественные исследователи: «...объем воздействия государства на общественную жизнь во многих направлениях не только не сужается, а наоборот, еще больше расширяется и возрастает. Это

¹ Шакиров И.А., Абдрахманов Д.М., Кучуков Р.Р., Нугуманов М.М. Соотношение феномена этатизма и развития гражданского общества в современной России: перспективы и последствия (региональный аспект). Уфа: Вагант, 2011. С. 9.

² Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 107.

связано, в частности, с тем, что „неолиберальное“ государство вынуждено брать на себя все больше „ответственности“ за осуществление ряда социальных программ, с усложнением внешнеполитических, экономических и иных процессов, связанных с регионализацией и глобализацией; с изменением представления о частной собственности и расширением так называемого корпоративного, менеджериального капитализма, предполагающего усиление «присутствия» государства в экономической сфере и т.д.»¹.

Однако со стороны неолибералов данный процесс оценивается весьма неоднозначно. В связи с этим интересны результаты исследований, проведенных американским ученым Р. Хиггсом, получившие наименование «тезис Хиггса». Согласно его позиции, государство расширяет сферу своего вмешательства в жизнедеятельность общества в кризисные периоды, к примеру, во время войны или депрессии, и сохраняет занятые позиции в дальнейшем. Этот вывод получил широкое распространение и признание, фактически став доминирующей парадигмой для понимания так называемого эффекта храповика: размеры государства увеличиваются в период кризиса, но после его окончания не уменьшаются до прежнего состояния. При этом автор подробно исследовал рост американского государственного сектора в критические моменты американской истории и сопутствующие идеологические изменения: во время Первой и Второй мировых войн, Великой депрессии, «холодной войны». По мере роста государственного аппарата и размножения правительственных агентств и корпораций эта система обретает определенную автономию и в дальнейшем сопротивляется попыткам сокращения размеров государственного сектора².

В России этатистская традиция восходит еще к охранительной идеологии Н.М. Карамзина и К.П. Победоносцева. Действительно, история

¹ Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2013. С. 150.

² См.: Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010. 500 с.

российской государственности содержит примеры того, что самоотстранение государства от общественных дел в условиях отсутствия устойчивых общественных институтов приводит к социальной деградации. Напротив, поступательное развитие, как правило, связывается с деятельностью государства. В дореволюционный период на это указывали не только представители этатизма, но и весьма либеральные исследователи¹. Однако не следует забывать, что отечественная история свидетельствует и о том, что государство собственноручно уничтожало общественную инициативу. Например, на допетровской Руси общественные институты (целовальничество) были развиты несколько не меньше, чем в Европе того времени. Но при построении регулярного государства Петр I уничтожил их. После реформ Александра II в России началось размежевание государства и гражданского общества, возникли земства. Однако данные тенденции были прерваны революцией 1917 года и построением советского государства, явно или скрыто пронизывавшего все общество.

В это время весь дискурс, не основывавшийся на марксистско-ленинском учении, «единственная верность» которого была закреплена даже конституционно, перемещается в среду эмиграции. Именно здесь сохраняется все то методологическое разнообразие, которое отличало дореволюционный период. Применительно к теме исследования хотелось бы остановиться на научном наследии И.А. Ильина, который пишет: «...по идее, государство сводится к самоуправлению народа. Однако, с другой стороны, единая и объективная цель государства настолько высока и требует от граждан столь зрелого правосознания, что, исторически говоря, народы оказываются не способными к самоуправлению, осуществляющему эту цель. И вот обнаруживается великое расхождение между идейною формой государства и его историческим обликом...»².

¹ См., напр.: Милюков П.Н. Указ. соч. С. 96–98.

² Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 276.

Этатистские воззрения начали возрождаться и приобретать широкое распространение и в современной России, входя в юридический дискурс наряду с неолиберализмом и отчасти вопреки нему. Этатизм по-прежнему является востребованным как в абстрактной теоретико-правовой литературе, так и в практике деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Однако эти воззрения остаются научно не оформленными и не получают достаточного теоретического обобщения. Вместе с тем в современных условиях глобализации и региональной интеграции национальные государства, стремящиеся к своему сохранению, нуждаются в такой теории в значительно большей степени, чем, когда бы то ни было. Действительно, несмотря на объективность глобализации, непреложным фактом остается и то, что потенциал национального государства далеко не исчерпан, и именно оно должно стать основным противовесом транснациональным структурам, в том числе преступным (международному терроризму, наркобизнесу, торговле оружием, человеческими органами и т.п.), взяв на себя основное бремя охраны прав, свобод и законных интересов своих граждан.

Этатистская концепция государства предполагает, что оно является основополагающим регулятором преобразований в экономической, социальной, политической, культурной, правовой и иных сферах в силу имеющегося у него аппарата государственного принуждения. Взаимодействуя с обществом, государство сохраняет свое назначение условия и первоисточника правопорядка, его рационализатора и арбитра. Благодаря такому подходу, безусловно, государству предоставляется карт-бланш в социальном конструировании, но подобная картина мира позволяет также рассмотреть правопорядок через призму непосредственного государственного вмешательства в широкий круг общественных отношений. По этой причине этатистская концепция нуждается в контроле за реализацией полномочий органов государственной власти. В противном случае он может скатиться к обоснованию государственного произвола.

Для современного этатизма государство должно быть не целью, а ценностью, обеспечивающей правопорядок и достижение всеобщего блага на основе права. Указанная концепция должна предполагать реализацию принципа социальной солидарности, направленности не на персональную власть и не на государство ради государства, а на расширение социальных гарантий, реализацию частных и общественных интересов. Благо отдельного лица должно пониматься в контексте коллективного блага, рассматриваться как его часть, при этом не должны абсолютизироваться ни индивидуальные, ни коллективные интересы. В связи с этим Л.С. Мамут пишет: «...чистый абсурд – воевать за свободу и право, отвергая государство. Борьба против него за эти ценности, значит хоронить их. В антигосударственности (явном либо скрытом) нет понимания того, что изначальный и подлинный субъект – создатель всех форм социальной деятельности (особенно деятельности, поведения в сфере политики и права) – субъект коллективный. Непреложным является то, что, только будучи включенным во все многообразие жизнедеятельности коллектива, индивид может обрести статус самостоятельного субъекта, „обзавестись“ социальными качествами, стать сознательным субъектом своей собственной деятельности и носителем прав, свобод и обязанностей...»¹.

Если развитие внешнего контура национальной правовой доктрины Российской Федерации в настоящее время получило мощный импульс в рамках дискуссии этатистов с неолибералами, то на внутреннем контуре господствующим остается юридический позитивизм, влияние которого по сравнению с поздним советским периодом только усилилось. Научный потенциал этого подхода не сводится к тому, что здесь содержатся данные, необходимые для юридической практики, правового обучения и просвещения. Его потенциал более значителен. Право – это логическая система. И неслучайно в соотношениях и связях, характерных для сцепления

¹ Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении. М.: Норма, 1998. С. 35.

частиц правовой материи, в каких-то их проявлениях обнаруживается нечто глубокое и основательное, скрытое под покровом «догматики и формалистики». Иными словами, свидетельства (или симптомы) таящихся в праве глубоких начал¹.

Господство юридического позитивизма в национальной правовой доктрине находит свое отражение и в действующем национальном правопорядке. Наиболее ярким примером может служить процессуальное законодательство. В нем справедливость как требование к процессуальному акту упоминается только в Уголовно-процессуальном кодексе²; Гражданский процессуальный кодекс³, Арбитражный процессуальный кодекс⁴ и Кодекс административного судопроизводства⁵ говорят только о его законности и обоснованности.

Примером того, что на внутреннем контуре национальной правовой доктрины Российской Федерации доминирует юридический позитивизм в одной из своих крайних форм, может служить стремление органов и должностных лиц государственной власти придать доктринальным и концептуальным положениям форму нормативного правового акта⁶. Такой

¹ См., напр.: Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. С. 171.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁶ См., напр.: Концепция национальной безопасности России (утв. Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170; Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440) // Российская газета. 2000. 11 июля; Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 15. Ст. 1572; Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р) // Российская газета. 2002. 18 сент.; Национальная доктрина образования в Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 41. Ст. 4089; Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 27 июля 2001 г.

подход, обоснованный, например, в отношении военной доктрины, в иных случаях влечет излишнее правовое регламентирование, делающее национальную правовую систему недостаточно гибкой.

№ Пр-1387) (документ опубликован не был. Источник – СПС «КонсультантПлюс»); Климатическая доктрина Российской Федерации (утв. Распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 51. Ст. 6305; Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 7. Ст. 724; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета. 2000. 28 сент.; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502; Доктрина развития российской науки (одобрена Указом Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3005; и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале диссертации был выдвинут тезис о том, что именно юриспруденция и ее результат – правовая доктрина – играют непосредственную роль в формировании национального правопорядка. Этот тезис кажется очевидным и не требующим доказательств. Однако результатом настоящего исследования стало установление ряда закономерностей общественного развития, развития правовой системы и правопорядка, которые позволяют выделить ранее не рассматривавшиеся аспекты данного утверждения.

Во-первых, правовая доктрина является сложным и многоаспектным явлением с точки зрения влияния на правопорядок. С одной стороны, её наличие можно легко установить из содержания правотворческих и правоприменительных материалов, актов целеполагания, официальных доктрин и концепций, утверждаемых правовыми актами органов государственной власти. С другой стороны, правовая доктрина значительно шире признаваемой на официальном уровне составляющей, поскольку предполагает дискуссионность и противоборство на общетеоретическом, межотраслевом, отраслевом уровне и на уровне правовых институтов.

Доктринальное многообразие концепций и подходов предполагает их существование в рамках общемирового, государственного и локального контекстов, которые формируют смысл содержащихся в доктрине утверждений, в особенности принципов и аксиом. Конкретно-исторический характер правовых концепций означает наполнение одних и тех же понятий (равенство, справедливость, свобода и т.д.) различным содержанием.

Во-вторых, существующий сегодня уровень общественного развития позволяет выделить в наиболее общем виде три типа парадигм, которые определяют дискурсивные характеристики правовых доктрин: архаичная парадигма, традиционная парадигма, парадигма модерна. Эта классификация направлена на установление общих черт в системе общенаучного и

отраслевого знания, поскольку предполагает единые основы общефилософских, естественных и гуманитарных наук. Развитие научного знания в этом отношении определяло смену технологических укладов жизни общества и оказывало обратное воздействие на господствующую доктрину. В этом отношении крупные научно-технические революции, происходившие по причине научно-технического прогресса, формировали новые условия жизни общества и требовали дальнейшего пересмотра господствовавших теорий. Установление нового исторического контекста требует от юридической науки переосмысления философских, мировоззренческих оснований собственного развития. В противном случае может быть утрачен объяснительный потенциал юридической науки, ее способность прогнозировать и преобразовывать правопорядок.

При этом национальная правовая доктрина формируется в ходе научной дискуссии, ведущейся на внутринациональном и международном уровнях. Благодаря интенсификации научного обмена гармонизируются и унифицируются национальные правопорядки, что способствует взаимному научно-техническому обмену государств и дальнейшему появлению общих областей взаимодействия. Формирование интеграционных объединений обуславливает конструирование правопорядка на региональном уровне, степень которого определяется общностью экономических интересов, общностью политической, культурной традиции, социальных условий общежития и множеством других факторов. Благодаря планомерному развитию международного правопорядка на основе общих закономерностей развития правовой доктрины устанавливаются прочные межгосударственные связи. Напротив, идеологические различия и противоречия в области интерпретации взаимных интересов ведут к разобщению, разрушению общего правового пространства и замыкают государства в рамках собственного правопорядка.

Таким образом, социальное программирование, социальное конструирование и иные целевые ориентиры современной правовой доктрины должны служить целям поддержания стабильности и развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Действующие нормативные правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации**

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. по состоянию на 21 июля 2014 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

12. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

13. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

14. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 „О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики“, Указа Президента

Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 „О мерах по пресечению 223 деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта“, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 „Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа“, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 „Об основных положениях военной доктрины Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3424.

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2000 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Березиной Людмилы Юрьевны на нарушение ее прав положением п. 2 ч. 1 ст. 232 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2000. – № 2.

18. Классификатор правовых актов. Одобрен Указом Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 511 (ред. от 28.06.2005) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 12. – Ст. 1260.

19. Концепция национальной безопасности России (утв. Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 170.

20. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 12 июля 2008 г. № Пр-1440) // Российская газета. 2000. 11 июля.

21. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440) // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 15. – Ст. 1572.

22. Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р) // Российская газета. – 2002. – 18 сент.

23. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751) // Собрание законодательства Российской Федерации РФ. – 2000. – № 41. – Ст. 4089.

24. Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 27 июля 2001 г. № Пр-1387) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

25. Климатическая доктрина Российской Федерации (утв. распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп) // Собрание законодательства Российской Федерации РФ. – 2009. – № 51. – Ст. 6305.

26. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 7. – С. 724.

27. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета. 2000. 28 сент.

28. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 5. – Ст. 502.

29. Доктрина развития российской науки (одобрена Указом Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 3005.

**Утратившие силу нормативные правовые акты и иные
официальные документы**

30. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

31. Декрет ВЦИК от 27 декабря 1917 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 17. Д. 22. Л. 25.

32. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 23 марта 1918 г. «Об учреждении государственного контроля над всеми видами страхования, кроме социального» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 30. – Ст. 397.

33. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 ноября 1918 г. «Об организации страхового дела в Российской Республике» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 86. – Ст. 904.

34. Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 33. – Ст. 432.

35. Постановление ВЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 января 1937 г. «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1937. – № 1. – Ст. 3.

36. Постановление ВЦИК, Совета Народных Комиссаров РСФСР от 20 марта 1937 г. «Об изменении законодательства РСФСР в связи с изданием постановления ЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР от 7 января 1937 г. „О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте“» // Собрание Узаконений РСФСР. – 1937. – № 4. – Ст. 19.

37. 16-я конференция ВКП(б): стенографический отчет. М.-Л.: Госполитиздат, 1929. 114 с.

38. Постановление V Съезда Советов Союза ССР от 28 мая 1929 г. «О пятилетнем плане развития народного хозяйства» // Собрание законов и

распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. – 1929. – Отд. 1. – № 35. – Ст. 311.

Иностраные нормативные правовые акты и иные официальные документы

39. Законы Хаммурапи / пер. И. М. Дьяконова // Хрестоматия по истории древнего Востока / под ред. М. А. Коростовцева. М.: Высшая школа, 1980. Т. I. С. 151–178.

40. Законы Ману / пер. С.Д. Эльмановича. М.: Наука, 1992. 182 с.;

41. Законы XII таблиц // Хрестоматия по истории древнего Рима / под ред. С.Л. Утченко. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 12–25.

42. Декларации прав человека и гражданина 1789 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989. С. 12–14;

43. Конституции Франции 1791 года // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989. С. 14–22.

44. Французский гражданский кодекс 1804 года / пер. И.С. Перетерского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 501 с.

45. Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten. 1794. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opiniojuris.de/quelle/1622>

46. Civil Code (approved by Royal Decree of 24 July 1889) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=221320 (дата обращения: 7 октября 2015 г.).

Диссертации и авторефераты диссертаций

47. Батурина С.В. Традиции российской правовой доктрины: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Батурина. – Краснодар, 2008. – 168 с.

48. Бондаренко С.О. Правовая культура как фактор становления демократического государства в современной России: социологический анализ: дис. ... канд. социолог. наук / С.О. Бондаренко. – Саратов, 2006. – 160 с.
49. Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид наук / С.В. Бошно. – М., 2005. – 440 с.
50. Валдавина С.В. Юридическая наука как вид рациональности: дис. ... канд. философ. наук / С.В. Валдавина. – Ростов н/Д, 2003. – 175 с.
51. Варданянц Г.К. Социальный генезис права: гештальтсоциологический анализ: автореф. дис. ... д-ра социолог. наук / Г.К. Варданянц. – М., 2008. – 52 с.
52. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Васильев. – Барнаул, 2007. – 172 с.
53. Васильева Т.А. Судебный прецедент как источник права в европейской юриспруденции XVII–XIX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.А. Васильева. – Казань, 2012. – 26 с.
54. Войниканис Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав: дис. ... д-ра юрид. наук / Е.А. Войниканис. – М., 2018. – 392 с.
55. Воронин М.В. Основания и проявления системности права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Воронин. – Казань, 2013. – 27 с.
56. Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. ... канд. юрид наук / Ф.М. Гаджинова. – М., 2004. – 171 с.
57. Гинзбург Ю.В. Формирование предмета науки финансового права в России в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Гинзбург. – М., 2014. – 148 с.

58. Голоскоков Л.В. Модернизация российского права: теоретико-информационный аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.В. Голоскоков. – Краснодар, 2006. – 48 с.
59. Деникина З.Д. Становление основных философско-правовых парадигм новейшего времени: автореф. дис. ... д-ра философ. наук / З.Д. Деникина. – М., 2006. – 48 с.
60. Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е.А. Ершова. – М., 2008. – 44 с.
61. Жукова-Василевская Д.В. Источники права России: тенденции формирования и развития: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Жукова-Василевская. – М., 2009. – 173 с.
62. Зозуля А.А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Зозуля. – СПб., 2006. – 24 с.
63. Коркунов Н.М. Указ и закон: исследование (докторская диссертация) / Н.М. Коркунов. – СПб., 1894. – 408 с.
64. Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук / Д.Ю. Любитенко. – Волгоград, 2011. – 176 с.
65. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / Е.О. Мадаев. – Иркутск, 2012. – 156 с.
66. Мамычев А.Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / А.Ю. Мамычев. – М., 2013. – 48 с.
67. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Матюхин. – М., 2001. – 48 с.
68. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т.М. Пряхина. – Саратов, 2004. – 48 с.

69. Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.В. Пузиков. – Тамбов, 2003. – 24 с.

70. Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Ребане. – М., 1968. – 48 с.

71. Слыщенко В.А. Проект Гражданского уложения 1905 г. и его место в истории русского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Слыщенко. – М., 2003. – 24 с.

72. Станкевич Г.В. Юридическая наука и российские реформы во второй половине XIX века: дис. ... канд. юрид. наук / Г.В. Станкевич. – М., 2002. – 183 с.

73. Шаханов В.В. Правовые парадигмы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Шаханов. – Владимир, 2005. – 24 с.

74. Яковлев А.В. Институциональный подход в юридической теории государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Яковлев. – М., 2009. – 24 с.

Иные публикации на русском языке

75. Александров Н.Г. Понятие источника права / Н.Г. Александров // Ученые труды ВИЮН. – 1946. – Вып. VIII. – С. 47–60.

76. Алексеев С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. – М., 1995. – 531 с.

77. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 1998. – 601 с.

78. Алексеев С.С. Общая теория права. В 2 т. / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 492 – 453 с.

79. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблема права в современную эпоху / С.С. Алексеев. – М.: Норма; Инфра-М, 2015. – 448 с.
80. Алексеев С.С. Государство и право: начальный курс / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1994. – 192 с.
81. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2000. – 704 с.
82. Алексеев С.С. Философия права / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 1998. – 332 с.
83. Андреевский И.Е. Полицейское право. В 2 т. / И.Е. Андреевский. – СПб.: Тип. В.В. Пратц, 1873, 1874. – С. 648 – 815.
84. Аржанов М. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права / М. Аржанов // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9. – С. 17–26.
85. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.: Эксмо, 1997. – 221 с.
86. Безобразов В.П. Наблюдения и соображения В.П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции / В.П. Безобразов. – СПб.: В.Безобразов и Ко, 1888. – 191 с.
87. Бергбом К. Юриспруденция и философия права / К. Бергбом // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1999. – 364 с.
88. Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 322 с.
89. Берталанфи Л., фон. Общая теория систем – обзор проблем и результатов / Л. фон Берталанфи // Системные исследования: ежегодник. – М.: Прогресс, 1969. – С. 30–54.
90. Блауберг И.В. Философский принцип системности и системный подход / И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Б.Г. Юдин // Вопросы философии. – 1978. – № 8. – С. 12–34.

91. Боботов С.В. Буржуазная социология права / С.В. Боботов. – М.: Юрид. лит., 1978. – 181 с.
92. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России / Н.А. Боброва // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С. 33–37.
93. Боден Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1999. – С. 689–795.
94. Бошно С.В. Доктрина как форма и источник права / С.В. Бошно // Журнал российского права. – 2003. – № 12. – С. 70–79.
95. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – М.: Алетейя, 2007. – 288 с.
96. Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России / А.Н. Быков. – СПб.: Правда, 1909. – 202 с.
97. Варламова Н.В. Философия права и юридическая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) / Н.В. Варламова // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. – 270 с.
98. Валлерстайн И. После либерализма / И. Валлерстайн. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 253 с.
99. Васильев А.М. Правовые категории / А.М. Васильев. – М.: Юрид. лит., 1976. – 228 с.
100. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: РОССПЭН, 2003. – 211 с.
101. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Территория будущего, 2005. – 800 с.
102. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 601 с.
103. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: учеб. пособие / Н.Н. Вопленко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.

104. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография / Н.А. Власенко. – М.: Норма; Инфра-М, 2014. – 156 с.
105. Власенко Н.А. Методологические основания исследования правовых ценностей: монография / Н.А. Власенко. – М.: Норма, 2023. – 200 с.
106. Временник Ивана Тимофеева. – М.–Л.: Наука, 1951. – 192 с.
107. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права / А.Я. Вышинский. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 381 с.
108. Гаджиев Г.А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) / Г.А. Гаджиев // Вестник гражданского права. – 2017. – № 6. – С. 108–173.
109. Гаджиев К.С. Политическая наука / К.С. Гаджиев. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 396 с.
110. Гай. Институции / пер. с лат. Ф. Дыдынского / под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. – М.: Юристъ, 1997. – 387 с.
111. Гарридо М.Х.Г. Римское частное право: казусы, иски, институты / М.Х.Г. Гарридо. – М.: Статут, 2005. – 812 с.
112. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – 221, 347 - 401 с.
113. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 521 с.
114. Гедеман Ю.В. Основные черты хозяйственного права: трансформация понятия собственности / Ю.В. Гедеман. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924. – 30 с.
115. Гейст Ч.Р. История Уолл-Стрит / Ч.Р. Гейст. – М.: Квартет-пресс, 2001. – 480 с.
116. Герцензон А.А. Уголовное право и социология. Уголовное право и социология. (Проблемы уголовного права и уголовной политики) / А.А. Герцензон. – М.: Юрид. лит., 1970. – 203 с.

117. Гофман А.Б. Традиция / А.Б. Гофман // Большая советская энциклопедия. В 30 т. – Т. 26. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – 128 с.
118. Градовский А.Д. Возрождение Германии и Фихте Старший / А.Д. Градовский // Собр. соч. – Т. 6. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – С. 107–159.
119. Градовский А.Д. Национальный вопрос / А.Д. Градовский // Собр. соч. – Т. 6. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – С. 225–263.
120. Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность / А.Д. Градовский // Собр. соч. – Т. 6. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – С. 28–106.
121. Гранат Н.Л. Источники права / Н.Л. Гранат // Юрист. – 1998. – № 9. – С. 6–11.
122. Грехениг К. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма / К. Грехениг, М. Гелтер // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 207–278.
123. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л.Р. Грэхэм. – М.: Политиздат, 1991. – 561 с.
124. Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 271 с.
125. Давид Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 502 с.
126. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Благословение, 2011. – 816 с.
127. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 389 с.
128. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы / Р. Декарт. – М.: Академ. проект, 2011. – 335 с.

129. Додонов Б.И. Структура и динамика мотивов деятельности / Б.И. Додонов // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 126–130.
130. Дождев Д.В. Правовое общение: опыт римского права / Д.В. Дождев // Правовое общение: постановка проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 100–156.
131. Дождев Д.В. Римское частное право / Д.В. Дождев. – М.: Инфра-М, Норма, 1996. – 704 с.
132. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. Опыты по истории русского гражданского права / Н.Л. Дювернуа. – М.: Катков и Ко, 1869. – 415 с.
133. Евинтов В.И. Международное сообщество и правопорядок (анализ современных концепций) / В.И. Евинтов. – Киев: Наук. думка, 1990. – 136 с.
134. Емельянов А.С. Административно-правовая доктрина, идеи либерализма и развитие государственности в России / А.С. Емельянов // Политика и общество. – 2012. – № 12. – С. 1236–1244.
135. Завьялов Ю.С. Взгляды Р. Иеринга на государство и право / Ю.С. Завьялов // Правоведение. – 1968. – № 3. – С. 106–115.
136. Зивс Л.С. Источники права / Л.С. Зивс. – М.: Наука, 1981. – 221 с.
137. Ильин И.А. О русской идее. 1948 год / И.А. Ильин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/367.htm> (дата обращения: 20 октября 2015 г.).
138. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 266–283.
139. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин. – М.: АСТ, 2006. – 510 с.
140. Институции Юстиниана. – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
141. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву / О.С. Иоффе. – М.: Статут, 2000. – 777 с.

142. Иоффе О.С. Критика теории «хозяйственного права»: Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР / О.С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2000. – С. 696–741.
143. Иоффе О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – М.: Госюриздат, 1961. – 401 с.
144. Истоки и источники права / под ред. Р.А. Ромашова и Н.С. Нижник. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. – 287 с.
145. История политических учений. – М.: Высш. шк., 1971. – 412 с.
146. Источники российского права. Вопросы теории и истории / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2005. – 301 с.
147. Казаков В.Н. Эпистемологические модели современного правопорядка / В.Н. Казаков, М.В. Крестинский, И.В. Зыкова // Вестник Национального института бизнеса. – 2016. – № 24. – С. 69–77.
148. Казимирчук В.П. Право и методы его изучения / В.П. Казимирчук. – М.: Юрид. лит., 1965. – 188 с.
149. Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права / В.П. Казимирчук // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 37–44.
150. Казимирчук В.П. Современная социология права / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрист, 1995. – 471 с.
151. Казмер М.Э. Социологическое направление в русской дореволюционной мысли / М.Э. Казмер. – Рига: Зинатне, 1983. – 234 с.
152. Каламкарян Р.А. Место доктрин наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в источниковой базе современного международного права / Р.А. Каламкарян // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 69–80.
153. Каламкарян Р.А. Роль доктрин наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в формировании современного международного права / Р.А. Каламкарян // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 75–85.

154. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. – М.: Грифон, 2012. – С. 153–207.

155. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М.: АСТ, 2011. – 1280 с.

156. Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – М.: Прогресс, 1986. – 402 с.

157. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Часть 2. Правотворческая практика, система и структура права: Курс лекций / В.Н. Карташов. – Ярославль, 1996. – 100 с.

158. Кассо Л. А. Источники русского гражданского права / Л.А. Кассо. – М.: Унив. тип., 1900. – 231 с.

159. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. – М.: ИНИОН РАН, 1987. – 83 с.

160. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2003. – 520 с.

161. Керимов Д.А. Понятие источника советского социалистического права / Д.А. Керимов // Ученые записки ЛЮИ. – 1951. – Вып. V. – С. 79–91.

162. Керимов Д.А. Философские проблемы права / Д.А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 271 с.

163. Кечекьян С.Ф. О понятии источника права / С.Ф. Кечекьян // Ученые записки МГУ. Труды юридического факультета. – 1946. – Вып. 116. – Кн. 2. – С. 3–12.

164. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право / Б.А. Кистяковский. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. – 700 с.

165. Ключевский О.В. Русская история. Полный курс лекций: в 5 ч. / О.В. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – 415 с.

166. Кнапп В. О возможности использования кибернетических методов в праве / В. Кнапп. – М.: Прогресс, 1965. – 193 с.
167. Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России / М.М. Ковалевский. – СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1908. – 242 с.
168. Ковлер А.И. Антропология права: учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М.: Норма, 2020. – 480 с.
169. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1907. – 348 с.
170. Коркунов Н.М. Русское государственное право. В 2 т. / Н.М. Коркунов. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. – 739 с.
171. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. – М.: Мысль, 1993. – 608 с.
172. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
173. Кудрявцев В.Н. О правопонимании и законности / В.Н. Кудрявцев // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 15–24.
174. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 197 с.
175. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1976. – 186 с.
176. Кудрявцев В.Н. Социальные отклонения / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юрид. лит., 1990. – 156 с.
177. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства / И.М. Кулишер. – Челябинск: Социум 2012. – 743 с.
178. Кульчар К. Основы социологии права / К. Кульчар. – М.: Прогресс, 1981. – 278 с.
179. Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
180. Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения в двух томах. В 2 т. / П.Л. Лавров. – М.: Мысль, 1965. – 554 с. - 481 с.

181. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) / В.В. Лазарев // *Lex Russica*. – 2013. – № 2. – С. 181–191.
182. Лапаева В.В. Конкретно-социологические исследования в праве / В.В. Лапаева. – М.: Юрид. лит., 1987. – 164 с.
183. Лацис М. Красный террор / М. Лацис // *Красный террор*. – 1918. – 1 нояб.
184. Левин К. Динамическая психология / К. Левин. – М.: Смысл, 2001. – 568 с.
185. Лейст О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – М.: Зерцало-М, 2002. – 288 с.
186. Лекции Т.Н. Грановского по истории Позднего Средневековья (записи слушателей с авторской правкой). – М.: Наука, 1971. – 422 с.
187. Ленин В.И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики на Чрезвычайном заседании пленума Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 года / В.И. Ленин // *Полное собрание сочинений*. Т. 38. М.: Госполитиздат, 1964. С. 251 – 262.
188. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Совета Народных Комиссаров 12 (25) января 1918 года на Третьем Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / В.И. Ленин // *Полное собрание сочинений*. – Т. 35. – М.: Госполитиздат, 1964. – С. 278–286.
189. Ленин В.И. О диктатуре пролетариата / В.И. Ленин // *Полное собрание сочинений*. – Т. 39. – М.: Госполитиздат, – 1964. – С. 258–362.
190. Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики: Письмо Д.И. Курскому / В.И. Ленин // *Полное собрание сочинений*. – Т. 44. – М.: Госполитиздат, 1964. – С. 389.
191. Ленин В.И. Успехи и трудности Советской власти / В.И. Ленин // *Полное собрание сочинений*. – Т. 38. – М.: Госполитиздат, 1964. – С. 51–58.

192. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа / Ф.И. Леонтович. – Одесса: Тип. П.А. Зеленого, – 1883. – 404 с.
193. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство / К.Н. Леонтьев. – М.: Республика, 1996. – 201 с.
194. Леонтьева Д.А. Очерк психологии личности / Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1997. – 64 с.
195. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения / И.Я. Лернер. – М.: Педагогика, 1981. – 211 с.
196. Литвинов-Фалинский В. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России / В. Литвинов-Фалинский. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. – 199 с.
197. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк // Локк Дж. Сочинения в трех томах. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 135–406.
198. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 415 с.
199. Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений / И.И. Лукашук. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 151 с.
200. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л.А. Лунц. – М.: Статут, 1999. – 352 с.
201. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. / Л.А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
202. Макаров А.И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма / А.И. Макаров // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2001. – № 6. – С. 275–283.
203. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли // Макиавелли Н. Избранное. – М.: Худож. лит., 1999. – С. 365–451.
204. Макклелланд Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб.: Печатный двор им. А.М. Горького, 2007. – 672 с.

205. Мамут Л.С. Государство в ценностном измерении / Л.С. Мамут. – М.: Норма, 1998. – 135 с.
206. Маркс К. Гражданская война во Франции / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 17. – М.: Госполитиздат, 1960. – С. 317–332.
207. Маркс К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1954. – С. 412–443.
208. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс. – М., 2011. – 691 с.
209. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 2. Кн. 2. Процесс обращения капитала / К. Маркс. – М., 2011. – 645 с.
210. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работ / К. Маркс. – М.: Прогресс, 2010. – 775 с.
211. Маркс К. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
212. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия / редкол.: В.Е. Гулиев, Г.Н. Манов (отв. ред.), Н.П. Фарберов, Р.О. Халфина. – М.: Юрид. лит., 1970. – 622 с.
213. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2013. – 350 с.
214. Марченко М.Н. Источники права / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2008. – 760 с.
215. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 2004. – 514 с.
216. Матузов Н.И. Понятие и основные приоритеты российской правовой политики / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 6–17.
217. Международное право и международный правопорядок / редкол.: В.И. Менжинский, М.М. Славин, Н.А. Ушаков (отв. ред.). – М.: ИГПАН, 1981. – 172 с.

218. Мизес Л., фон. Либерализм / Л. фон Мизес. – М.: Социум, 2007. – 344 с.
219. Мизес Л., фон. Социализм: экономический и социологический анализ / Л. фон Мизес. – М., 1994. – 391 с.
220. Милль Дж.Ст. Основания политической экономии с некоторыми применениями общественной философии / Дж.Ст. Милль. – Киев – Харьков: Юж.-рус. кн-во Ф.А. Иогансона, 1896. – 866 с.
221. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 ч. – М.: Прогресс; Культура, 1992. – 287 - 271 с.
222. Мовчан А.П. Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (к 40-летию ООН) / А.П. Мовчан // Правоведение. – 1985. – № 6. – С. 21–28.
223. Мовчан А.П. Международный правопорядок / А.П. Мовчан. – М.: ИГПАН, 1996. – 103 с.
224. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 805 с.
225. Мордовцев А.Ю. Российский правовой менталитет / А.Ю. Мордовцев, В.В. Попов. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. - 448 с.
226. Муромцев Г.И. Источники права: Теоретические аспекты проблемы / Г.И. Муромцев // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 23–30.
227. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права / С.А. Муромцев. – М., 1879. – 822 с.
228. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм / П.Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960. – 186 с.
229. Нерсесянц В.С. Право и закон / В.С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1989. – 401 с.
230. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

231. Нерсесянц В.С. Ценность права как триединство свободы, равенства и справедливости / В.С. Нерсесянц // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление / отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 1996. – 89 с.

232. Нестеров А.В. О качестве институтов государственного регулирования / А.В. Нестеров // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение стратегического управления, разработки и реализации приоритетных национальных проектов и программ. – М.: ИНИОН, 2007. – 56 с.

233. Нечаев С.Г. Катехизис революционера / С.Г. Нечаев. – М.: Археографический центр, 1997. – 576 с.

234. Новгородцев П.И. Декларация прав человека и гражданина / П.И. Новгородцев // Научное слово. – 1905. – Кн. 5. – С. 46–59.

235. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии / П.И. Новгородцев. – М.: Унив. тип., 1896. – 225 с.

236. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права / И.Б. Новицкий. – М.: Госюриздат, 1959. – 157 с.

237. Новицкий И.Б. Римское право/ И.Б. Новицкий. – М.: ТЕИС, 2002. – 191 с.

238. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 502 с.

239. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.]; отв. ред. Н.Н. Черногор. – М.: ИЗиСП; Инфра-М, 2019. – 348 с.

240. Овсян Ж.И. Законодательные полномочия и интересы субъектов Российской Федерации: к вопросу об обеспечении реализации конституционного принципа разграничения предметов ведения и

полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ. К 20-летию Конституции РФ 1993 года / Ж.И. Овсепян // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 1. – С. 23 – 37

241. О’Коннор Дж. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Дж. О’Коннор, И. Макдермотт. – М.: Альпина бизнес букс, 2013. – 254 с.

242. Основные задачи науки советского социалистического права: Материалы 1-го совещания научных работников права, 16–19 июля 1938 года. – М.: Юриздат, 1938. – 96 с.

243. Павлов И.В. О системе советского социалистического права / И.В. Павлов // Советское государство и право. – 1958. – № 11. – С. 5–15.

244. Павлов И.В. О системе советского социалистического права: тезисы доклада / И.В. Павлов. – М., 1958. – 52 с.

245. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 402 с.

246. Педагогика / под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2003. – 411 с.;

247. Песков П.А. Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882–1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними / П.А. Песков. – СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1884. – 372 с.

248. Петражицкий Л.И. Очерки философии права. Основы психологической теории права. Обзор и критика современных воззрений на существо права / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900. – 138 с.

249. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. / Л.И. Петражицкий. – СПб.: Слово, 1909, 1910. – 409 - 486 с.

250. Пиаже Ж. О природе креативности / Ж. Пиаже // Вестник МГУ. – Сер. 14. – 1996. – № 3. – С. 31–40.

251. Пигу А. Экономическая теория благосостояния: в 2 т. / А. Пигу. – М.: Прогресс, 1985. – 512 с.

252. Платон. Законы / Платон. – М.: Мысль, 1999. – 832 с.
253. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5 т. / Г.В. Плеханов. – М.: Госполитиздат, 1956. – 904 с.
254. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени / К.П. Победоносцев // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. – М.: Грифон, 2012. – С. 440–447.
255. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: первая часть / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2002. – 800 с.
256. Подгурецкий А. Очерк социологии права / А. Подгурецкий. – М.: Прогресс, 1974. – 216 с.
257. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. – СПб.: Летний сад, 1999. – 512 с.
258. Полонская И.Н. Традиция: от сакральных оснований к современности / И.Н. Полонская. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 2006. – 272 с.
259. Посохов С.И. Уставы российских университетов XIX века в оценке их современников и потомков / С.И. Посохов // Вопросы образования. – 2006. – Вып. 1. – С. 370–381.
260. Протасов В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 132 с.
261. Пузииков Р.В. Доктрина как форма и источник формирования правовой политики / Р.В. Пузииков // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 2. – С. 70–75.
262. Пухан И. Римское право: базовый учебник / И. Пухан, М. Поленак-Акимовская. М.: Зерцало-М, 1999. 756 с.
263. Радько Т.Н. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права России / Т.Н. Радько, Н.Т. Медведева // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 5–12.
264. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. – М.: Эксмо, 2009. – 960 с.

265. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика / М. Ротбард. – Челябинск: Социум, 2010. – 356 с.
266. Ротбард М. К новой свободе / М.Ротбард. – М.: Новое изд-во, 2009. – 341 с.
267. Ротшильд Г., де. Наперекор Сталину / Г. де Ротшильд. – М.: Эксмо, 2013. – 224 с.
268. Роулс Дж. Теория справедливости / Дж. Роулс. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 522 с.
269. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Питер, 2000. – 720 с.
270. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 1998. – 416 с.
271. Рэнд А. Капитализм: неизвестный идеал / А. Рэнд. – М.: Альпина пабlishер, 2011. – 541 с.
272. Савиньи Ф.К., фон. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции / Ф.К. фон Савиньи // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. – Т. 1. – М.: Статут, 2012. – С. 18–36.
273. Савиньи Ф.К., фон. Система современного римского права. В 2 т. / Ф.К. фон Савиньи. – М.: Статут, 2012. – 478 - 501 с.
274. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И.С. Самощенко. – М.: Юрид. лит., 1963. – 81 с.
275. Сандровский К.К. Проблемы законности и правопорядка в международных отношениях / К.К. Сандровский // Вестник Киевского ун-та: Международные отношения и международное право. – 1986. – Вып. 23. – С. 12–24.
276. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Ч. Санфилиппо. – М.: Норма, 2000. – 400 с.
277. Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новым парадигмам / О.П. Сауляк. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 224 с.

278. Сауляк О.П. Нравственный потенциал и правопорядок в современной России / О.П. Сауляк // Юридический мир. – 2007. – № 5. – С. 55–59.

279. Сергеевич В.И. Опыты исследования обычного права / В.И. Сергеевич // Наблюдатель. 1882. – № 1. – С. 23–31; № 2. – С. 20–28.

280. Сергеевич В.И. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? / В.И. Сергеевич // Вестник Европы. – 1878. – № 1. – С. 12–21.

281. Сергеевич В.И. Греческое и русское право в договорах с греками / В.И. Сергеевич // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. – № 1. – С. 32–44.

282. Сергеевич В.И. Древности русского права: в 3 т. / В.И. Сергеевич. – М.: Гос. публичная историческая б-ка, 2007. – 699 с. - 701 с. - 662 с.

283. Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук / В.И. Сергеевич. – М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. – 244 с.

284. Сергеевич В.И. Земские соборы в Московском государстве // Собрание государственных знаний. Т. 2 / В.И. Сергеевич. – М.: В. Безобразов и Ко, 1875. – С. 23–81.

285. Сергеевич В.И. Русская Правда и ее списки / В.И. Сергеевич // Журнал Министерства народного просвещения. – 1899. – № 1. – С. 21–37.

286. Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. Конец XIX – первая половина XX вв. / Т.А. Сидорова. – СПб.: Алетейя, 2014. – 696 с.

287. Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 3–18.

288. Система советского социалистического права. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 122 с.

289. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
290. Современные проблемы организации публичной власти: монография / под ред. С.А. Авакьяна. – М.: Юстицинформ, 2014. – 596 с.
291. Соловьев В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев. – М.: Алгоритм, 1996. – 502 с.
292. Соловьев В.С. Право и нравственность / В.С. Соловьев // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 88–99.
293. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. / С.М.Соловьев. – СПб.: Мысль, 1962.
294. Сорокин П.А. Преступность и ее причины / П.А. Сорокин. – Рига: Наука и жизнь, 1913. – 46 с.
295. Социалистическая законность и задачи советской юридической науки: Тезисы межвузовского научного совещания (март 1957 года). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 43 с.
296. Сперанский М.М. О силе правительства / М.М. Сперанский // Просвещенный консерватизм. Российские мыслители о путях развития российской цивилизации. – М.: Грифон, 2012. – С. 417–421.
297. Сперанский М.М. План финансов / М.М. Сперанский // Золотые страницы финансового права / под ред. А.Н. Козырина. Т. 1. У истоков финансового права. – М.: Статут, 1998. – 472 с.
298. Спиридонов Л.И. Социология преступления / Л.И. Спиридонов. – М.: Академия МВД СССР, 1978. – 211 с.
299. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики / Л.Р. Сюкияйнен. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
300. Тесля А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П. Победоносцева 1870–1890-х годов / А. Тесля // Социологическое обозрение. – 2017. – Т. 16. – № 1. – С. 151–172.

301. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – СПб.: Комплект, 1992. – 672 с.
302. Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров. – М.: Юрид. лит., 1968. – 176 с.
303. Тихомиров Ю.А. Государство / Ю.А. Тихомиров. – М.: Норма; Инфра-М, 2013. – 320 с.
304. Тихомиров Ю.А. Как обеспечить законность? Новый подход / Ю.А. Тихомиров // Российское правосудие. – 2016. – № 8. – С. 5 – 11.
305. Ткачев П. Н. Сочинения. В 2 т. / П.Н. Ткачев. – М.: Мысль, 1975. – 388 с. - 403 с.
306. Томсинов В.А. Университетская реформа 1863 года в России / В.А. Томсинов // Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года. – М.: Зерцало, 2012. — 480 с.
307. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб.: Лань, 1998. – 224 с.
308. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология / В.А. Туманов. – М.: Наука, 1971. – 322 с.
309. Туроу Л. Будущее капитализма / Л. Туроу. – М., 1996. – 402 с.
310. Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в средневековой Европе / П.Ю. Уваров. – М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2000. – 331 с.
311. Фарбер Д. Отжившая пародия. Возрожденный прагматизм: ирония теоремы Коуза / Д. Фарбер // Вестник гражданского права. – 2012. – № 2. – С. 191–222.
312. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 912 с.
313. Финнис Дж. Естественный закон и естественное право / Дж. Финнис. – М.: Мысль, 2012. – 554 с.

314. Фрагменты Домиция Ульпиана // Памятники римского права: Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Зерцало, 1998. – С. 171–318.
315. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции / С.Л. Франк // Мосты: сб. ст. к 50-летию русской революции. – Мюнхен: ЦОПЭ, 1967. – С. 7–32.
316. Фрид А. Ротшильды: история семьи / А. Фрид. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 128 с.
317. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: Талиман, 1994. – 402 с.
318. Хабриева Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 320 с.
319. Хайек Ф.А., фон. Дорога к рабству / Ф.А. фон Хайек. – М.: Астрель, 2005. – 328 с.
320. Хайек Ф.А., фон. Индивидуализм и экономический порядок / Ф.А. фон Хайек. – Челябинск: Социум, 2011. – 397 с.
321. Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем / Я.З. Хайкин. – М.: Высш. школа, 1972. – 298 с.
322. Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Д. Харви. – М.: Поколение, 2007. – 411 с.
323. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 118 с.
324. Хачатуров Р.Л. Генезис юридической ответственности (часть 1) / Л.Р. Хачатуров // Право и политика. – 2006. – № 8. – С. 38–56.
325. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства / Р. Хиггс. – М.: ИРИСЭН, 2010. – 500 с.
326. Хук М. Право как коммуникация / М. Хук. – СПб.: Унив. изд. консорциум, 2012. – 288 с.
327. Цицерон М.Т. Речи. В 2 т. / пер. В.О. Горенштейна; отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. – М.–Л.: Наука, 1962. – 342 - 381 с.

328. Черданцев А.Ф. Теория государства и права / А.Ф.Черданцев. – М.: Юрайт, 2001. – 471 с.
329. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 2 т. / Б.Н. Чичерин. – М.: И.Н. Кушнерев и Ко, 1894, 1896. – 492 с. - 437 с.
330. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права / Б.Н. Чичерин. – М.: Катков и Ко, 1858. – 389 с.
331. Шабуров А.С. Теория государства и права / А.С. Шабуров. – М., 1997. – 532 с.
332. Шакиров И.А. Соотношение феномена этатизма и развития гражданского общества в современной России: перспективы и последствия (региональный аспект) / И.А. Шакиров, Д.М. Абдрахманов, Р.Р. Кучуков, М.М. Нугуманов. – Уфа: Вагант, 2011. – С. 4–12.
333. Шапп Я. Система германского гражданского права / Я. Шапп. – М.: Междунар. отношения, 2006. – 360 с.
334. Шатилова В.П. Динамика изменения инфраструктуры научно-исследовательской деятельности в Российских университетах XIX века / В.П. Шатилова // Человек и образование: научный педагогический и психолого-педагогический журнал ВАК РФ. – 2012. – Вып. 1. – С. 151–157.
335. Шебанов А.Ф. О понятиях источника права и формы права / А.Ф. Шебанов // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 23–33.
336. Шервуд Е.А. Законы лангобардов: Обычное право древнегерманского племени / Е.А. Шервуд. – М.: Наука, 1992. – 198 с.
337. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 т. / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 698 с.
338. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2 т. / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. – 507 - 471 с.
339. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.
340. Эбзеев Б.С. Конституции Российской Федерации - 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического

конституционализма / Б.С. Эбзеев // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 6. – С. 31–42.

341. Элон М. Еврейское право / М. Элон. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 611 с.

342. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1953. – 328 с.

343. Явич Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 341 с.;

344. Явич Л.С. Право и социализм / Л.С. Явич. – М.: Юрид. лит., 1982. – 191 с.

345. Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л.С. Явич. – Сталинабад, 1957. – 162 с.

346. Явич Л.С. Сущность права: социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической нормы / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 197 с.

347. Янжул И.И. Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882-1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними / И.И. Янжул. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1884. – 311 с.

348. Яценко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / А.С. Яценко. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – 408 с.

Иные публикации на иностранных языках

349. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle – 2: Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels von Juli 1844 bis November 1847. – Stuttgart: Dietz Nachf., 1902. – 482 S.

350. Bleckmann A. The Subjective Right in Public International Law / A. Bleckmann // German Yearbook of International Law. – 1985. – Vol. 28. – P. 147–149.

351. Calabresi G. Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts / G. Calabresi // *Yale Law Journal*. – 1961. – № 70. – P. 499–553.
352. Coase R.H. The Problem of Social Cost / R.H. Coase // *J. L. & Econ.* – 1960. – Vol. 3. – P. 1, 15–19.
353. Coase R. The Nature of the Firm / R. Coase // *Economica*. 1937. Vol. 4. Iss. 1. P. 386–405.
354. Gall L. Bismarck: The Whit Revolutionary. Vol. II: 1879–1898 / L. Gall. – London, Routledge, 1986. – 611 p.
355. Hall A.D. A Methodology for Systems Engineering / A.D. Hall. – Princeton, Nostrand, 1962. – 301 p.
356. Hattenhauer H. Textbuch zur Privatrechtsgeschichte der Neuzeit / H. Hattenhauer, A. Buschmann. – München: Beck, 1967. – S. 232 ff.
357. Hugo G. Lehrbuch der Geschichte des Romischen Rechts. Dritter Band, Welcher die Geschichte des Romischen Rechtsenthalt / G. Hugo. – Berlin: A. Mylius, 1799. – 308 s.
358. Hugo G. Lehrbucheines civilistischen Cursus. Zweite Band, welcher das Naturrecht, alseine Philosophie des positiven Rechtsenthalt / G. Hugo. – Berlin: A. Mylius, 1798. – 221 s.
359. Kaufmann A. Small Scale Right to Resist / A. Kaufmann // *New England Law Review*. – 1985–1986. – Vol. 21:3. – 617 p.
360. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions / T.S. Kuhn. – Chicago: Iniversity of Chicago Press. – 1962. – 578 p.
361. Maslow A.H. Motivation and Personality / A.H. Maslow. – New York: Harpaer & Row, 1954.
362. Posner R.A. The Crisis of Capitalist Democracy / R.A. Posner. – Cambridge, Mass., and London, England., Harvard University Press, 2010.
363. Schlosser H. Grundzuege der Neueren Privatrechtsgeschichte. Rechtsentwicklungen im europaeischen Kontext / H. Schlosser. – 10. Auflage. – Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 2005. – S. 170–180.

364. Stigler G.J. The Price Theory / G.J. Stigler. – London: MacMillan, 1966. – 511 p.

365. Thibaut A. Über die Notwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland / A. Thibaut. – Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 1814.

366. Veblen T. The Theory of Leisure Class / T. Veblen // An Economy of Institutions. – 1992. – № 4. – P. 18–46.